

Гарро: Рыцарь в сером / Garro: Knight of Grey (новелла)

Перевод в процессе: 6/8

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 6 частей из 8.

Гарро: Рыцарь в сером / Garro: Knight of Grey (новелла)

Автор	Джеймс Сваллоу / James Swallow
Переводчик	Luminor
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Осада Терры / Horus Heresy: Siege of Terra
Предыдущая книга	Мортис / Mortis
Следующая книга	Боевой Ястреб / Warhawk
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

□

Содержание

Действующие лица

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ИНТЕРВАЛ I

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ИНТЕРВАЛ II

Действующие лица

Странствующие Рыцари

Натаниэль Гарро — бывший агенция-примус, бывший боевой капитан Гвардии Смерти

Хелиг Галлор — бывший легионер Гвардии Смерти

XIV легион, Гвардия Смерти

Мортарион — примарх

Тиф, Странник — первый капитан

Имперская Армия

Маэд Костагар — капитан, уровень Дилекцио, гарнизон Мармакса

Рольд Грефф — рядовой солдат, уровень Дилекцио, гарнизон Мармакса

Прочие

Эуфратия Киилер — Живая Святая, бывший летописец

«Те, кто принимают свою судьбу, не ведают страха ни перед чем».

«Последние Книги Взора», Хирундус
Яго [датировка неизвестна]

«Должен наступить момент, когда душа узнаёт: вот он, предел, и не дальше. Но мы обречены никогда не слышать её предупреждений, пока не станет слишком поздно».

приписывается летописцу Игнацию
Каркази, М31

ГЛАВА 1

Пиршество пепла

Последний среди немногих

Ты знаешь её

Воитель-гигант грузно поднимался по узкой винтовой лестнице.

Его керамитовые саботоны были слишком велики для ступеней, созданных с расчётом на обычных людей, наплечники силовой брони — чересчур широки для тесноты человеческих масштабов устремлённого ввысь минарета. Края наплечников воина то и дело цеплялись за стены, оставляя царапины на почерневшем под воздействием огня граните.

Воину пришлось преодолевать участки, где стены коридоров оказались разорваны снарядами, пробираться по грудам закопчённых обломков и — зачастую — по кошмарным на вид останкам убитых защитников.

Следы разрушения и резни становились тем масштабнее, чем ближе воин приближался к вершине. Внутри башни располагалась батарея лазпушек, что обрушивали на врага лучи багрового ада на протяжении всего ночного сражения, вызывая залпы концентрированного ответного огня. В конечном итоге винтовая лестница вывела бойца на верхний этаж, всё ещё остававшийся неповреждённым, где его встретил пропитанный дымом холод дня. Среди изломанных развалин минарета гудели порывы сильного ветра, несущего с собой частицы перемешанного с песком грязного, мокрого снега.

Мертвецы — мужчины и женщины в серой панцирной броне местного гарнизона — валялись там же, где и пали, наполовину засыпанные пеплом и разбитой кирпичной кладкой. Некоторые всё ещё продолжали сжимать оружие, стволы винтовок сверкали маслянистым радужным блеском испорченного жаром металла. Воин видел обожжённую изнутри лопнувшую плоть, отмечавшую многих солдат, и опухшие от токсинов лица других, смотревшие в небеса невидящим взором. В последние минуты их жизни Смерть прикоснулась к каждому из них дланями ужаса и агонии.

Следуя внезапному импульсу, воин проверил показания датчиков воздуха, после чего снял свой серый боевой шлем и прикрепил его к магнитному замку на бедре. Затем он устремил взор наверх, за отсутствующую крышу башни, чтобы хотя бы мельком увидеть то, что видели павшие.

Хмурое небо над ним отличалось странным, болезненным оттенком, его испещряли полосы тянущихся с севера на юг чёрных облаков, в то время как ветер доносил звуки, которые, если прислушаться, вполне могли представлять собой чьи-то голоса. В сотнях метров над периметром протяжённой линии обороны металлические птицы ловили слабый солнечный свет, кружась и метаясь вокруг друг друга, обмениваясь потоками раскалённой до температуры светила плазмы своих орудий. Пронзительный вой их моторов и слабеющее рывканье пушек достигали ушей воина сквозь иной ровный звук, доносившийся издалека — низкий барабанный бой, напоминающий биение гигантского сердца.

За сцепившимися в бесконечном воздушном бою атмосферными истребителями и диковинными на вид грозowymi штормами медного оттенка, в беспредельной высоте красноватых небес Гималазии вырисовывались смутные очертания чего-то иного. исполинские причудливые формы парили на околоземной орбите — некоторые из них пылали, другие потрескивали от мощи магической энергии. Тут и там дрейфовали космические корабли размером с города-государства, и столь велико было их число и масса, что близость звёздных левиафанов искажала гравитационные и магнитные поля планеты, вызывая изменения погодных условий от одного полюса до другого.

Небеса Терры больше не были владениями Империи Человечества, о нет, размышлял воин. Они принадлежали Гору Луперкалю, *будь проклято его имя*, вероломному магистру войны и сражавшимся под его знаменем легионам предателей. Лишь камни и грязь удерживались теми, кто хранил верность Императору, и даже они постепенно ускользали из рук верных.

Вздыхнув, воин сделал ещё один шаг, ступая по шаткому выступу из разрушенной каменной кладки и изрезанного лазерами оуслита. Он позволил своему взгляду опуститься на расколотое поле битвы под минаретом и опустошённый пейзаж, уходящий до самого горизонта.

Веретенообразная башня оставалась единственным в округе сооружением, которому повезло пережить недавний натиск изменников. Вырастая из потрескавшейся и разрушенной территории гигантского Бастиона Колоссов, башня устремлялась в выжженные небеса подобно обвиняющему персту скелета на вершине обезглавленной горы. Огромный — более того, казавшийся бесконечным — ковёр из щебня тянулся к выпотрошенной оболочке братской крепости Корбеник Гар и в направлении Города Зрения. Впереди воина Передние Врата и внешние владения великого Императорского дворца всё ещё оставались нетронутыми, но в зловеще-красном трупном свете подобные лабиринту городские агломерации напоминали фигуры, вырезанные из старых костей.

Лицо воина повернулось в направлении звука сердцебиения, в сторону Львиных врат и того, что лежало за ними. Прищурив глаза, он поднял побитый монокуляр и устремил взор в даль, изучая каньоны обломков и вздымающуюся стену густого, беспроглядного дыма, скрывавшую большую часть зоны боевых действий.

Легионер различал ярко-алые фигуры, что двигались стаями среди развалин: кто-то пешком, кто-то на танковой броне или размытых эффектом антигравитационных полей спидерах, несущихся по разрушенным, засыпанным останками уничтоженных зданий улицам. Все они отступали — скорее всего, к более надёжным и укрепленным опорным пунктам, оставляя позади мёртвые зоны и отравленные квадранты последних боёв.

То были остатки арьергарда воинства брата-капитана Ралдорона, сыновья IX легиона, благородные Кровавые Ангелы Сангвиния. В последние отчаянные часы именно силы Ралдорона и легион Белых Шрамов под командованием самого Кагана вели войну с захватчиками Гора. Побоище между лоялистами и предателями оказалось жестоким и душераздирающим, однако в этом конфликте ежедневно устанавливались новые стандарты ужасов и разрушений — так что, в конечном итоге, прошедшая битва мало что значила. Линия, которую так упорно обороняли Кровавые Ангелы и Белые Шрамы, не могла удерживаться бесконечно.

Наконец, приказ был отдан. Восточные бастионы больше не могли удерживаться верноподданными силами должным образом, так что они были объявлены непригодными для дальнейшей обороны и брошены перед лицом наступления врага.

Врага.

Как же сильно эти слова жгли душу воина.

В прежние времена, которые ныне казались иной жизнью, совершенно иным уровнем бытия, он ступал в одном строю с теми, против кого Кровавые Ангелы и Белые Шрамы бились теперь до последнего вздоха. До великого предательства на Истваане, в бесчисленных праведных битвах и благородных крестовых походах воин гордился тем, что является частью XIV легиона, Гвардии Смерти. Теперь же у него остались только стыд, скорбь и ненависть по отношению к тем, кто когда-то были его братьями по

присяге. Их растоптанные клятвы Терре и Империи превратились в стигматы на его сердце — раны, которые невозможно исцелить, ибо простить подобное он не сможет уже никогда.

Легионер смотрел сквозь отступающие ряды Кровавых Ангелов — единственных верных сил, оставшихся на поле брани, ибо Белые Шрамы уже покинули лагерь в поисках лучших шансов скрестить клинки с предателями — и вдаль, на стену клубящегося дыма, что отмечала край наступления предателей.

Но это был *не просто* дым. Тот, кто изучил бы его как следует, увидел бы, что туманный покров движется против направления ветра с явным и сознательным намерением. Даже за километры воин мог увидеть мерцание света, отражённого от миллионов крошечных крылышек чумных стай.

Среди дымки шагали исполинские фигуры высотой с жилые дома — неторопливые и неумолимые, они двигались как один в неторопливом ритме. Каждый их грузный шаг достигал ушей воина ровным ритмом барабанного боя порченой стали и ржавого железа о землю.

Гигантские двуногие боевые машины Легио Мортис маршировали вперёд, с каждым мгновением сокращая дистанцию до стен Внутреннего дворца. Спустя несколько часов они окажутся на оптимальном расстоянии, и начнётся новый огненный дождь. Отринувшие былые обеты механикумы, ставшие лизоблюдами вероломного Гора, «Владыки войны», «Разбойники» и «Иконоборцы» Голов Смерти оставят после себя одну лишь радиоактивную пыль. Где-то у ног этих богомашин-убийц двигались пропитанные скверной легионеры Гвардии Смерти, фаланга за фалангой, а также нечистые твари, с которыми те заключили союз.

Его братья явились за ним, он чувствовал это своей кровью и костями. Они пришли за всеми нами.

В каждом из уголков колоссального пространства Дворца бушевали тысячи маленьких сражений, в которых принимали участие бесчисленные батальоны солдат, авиаторов, артиллеристов, боевых машин и легионеров, погружившихся в горнило свирепых боёв. Опустошению подверглись целые районы, повсюду валялись тела непогребённых мертвецов, брошенных разлагаться и гнить собственными товарищами — ибо у тех попросту не было времени позаботиться о каждом из бесчисленных павших. Над всем вокруг навис саван самой страшной войны, которую когда-либо знала эта планета, густая вонь обратившихся в ничто жизней, израсходованного прометия и кордита превращала атмосферу в даже не пытающуюся развеяться погребальную дымку. Не было преувеличением озвучить мысль о том, что эти отчаянные времена отдавали привкусом конца всех дней, апокалипсисом, который в скором времени во всей своей полноте сотрёт власть человечества с лица его родного мира.

Ни одна живая душа на Терре не могла проигнорировать шёпота в каждой тени и многочисленные ужасы, таящиеся во тьме — некоторые из них были вызваны играми разума, другие же обрели плоть, клыки и когти. Не осталось места ни для покоя, ни для передышки, мольбы о пощаде стали бесполезными. Ад изрыгнул на поверхность планеты самое себя, поднимаясь из глубин ночных кошмаров и опускаясь из черноты меж звёздами. Каждую секунду здесь встречали свой конец целые миры, некоторыми из которых были жизни отдельных людей, а другими — будущее тех планет, что остались позади вторжения предателей.

И всё же... в *этом* месте, в *этом* самый момент, пребывало одно лишь запустение. В этой тихой гавани посреди кровопролития, царил угрюмый покой могилы.

Внимание легионера привлёк новый звук — падение струйки каменных обломков и дребезжащее гудение повреждённых двигателей, когда нечто пришло в движение под одной из груд щебня. Он

осторожно пересёк открытое пространство по направлению к источнику шума и облачённой в латную перчатку рукой отбросил в сторону рухнувший кусок потолка. Под ним он обнаружил останки двух тел — бойцов Армии, скорее всего, приписанных к расчёту лазпушки. Они пали вместе, соединившись в смерти, но то, что прикончило их, всё ещё присутствовало здесь.

Зловонная, раздутая фигура дрожала в дневном свете, устроившись между телами мертвецов. Не больше топливной канистры по размеру, тварь расположилась аккурат поверх трупов. Кластер из инсектоидных глаз безучастно взирал на воина, из боков существа, в свою очередь, торчала пара заляпанных грязью пропеллерных модулей, лопасти которых вращались ленивыми, отрывистыми движениями. Несколько хитиновых мандибул колыхались и царапали воздух.

То был гнилодрон — нечто среднее между машиной и выращенной формой жизни, обладатель мясистых усиков и панциря моллюска, оживлённый в гнусных процессах, которые воин не желал и представлять, испытывая при мысли об этом одну лишь ненависть. Угодивший в ловушку упавшей крыши дрон пытался устранить свои повреждения, вскрывая убитых солдат, дабы использовать их кости, сухожилия и кожу в качестве запчастей для «ремонта».

Челюсти воина крепко сжались в гримасе отвращения, и он отреагировал со стремительной яростью. Боец раздавил дрон, превратив его в размячённое месиво; когда биомеханическая тварь, взвизгнув, издохла, она выпустила облачко смрадного пара. Воин отпрянул, скривившись, когда слабые остатки отравы коснулись его обнажённого лица. Трансчеловеческая физиология Астартес с лёгкостью нейтрализовала токсин, но там, где тяжёлые капли яда приземлялись на мертвецов, их плоть превращалась в чёрную жижу.

Легионер выпрямился и сплюнул, чтобы прочистить лёгкие. Его тёмные, настороженные глаза взирали на мир с лица, испещрённого памятными шрамами былых войн, под тяжёлыми бровями, отмеченными медными штифтами выслуги боевого капитана. Его череп был обрит наголо, бороды он не носил, а бледная кожа вызвала ассоциации с какой-нибудь из эленикских скульптур эпохи, предшествовавшей Древней Ночи. Во внешности воина Астартес смешались суровость и пытливость, он словно бы присягнул на службу великому делу, но обнаружил, что все его деянья обратились во прах. Ему было словно предназначено жить и умереть в одиночестве.

Но, похоже, что не сегодня. Кто-то ещё поднимался по узкой лестнице, двигаясь по его следам, кто-то столь же неподходящих габаритов для коридора человеческих размеров.

Рука воителя опустилась к висевшему на поясе грозному мечу, пальцы сжались на рукояти оружия. Он не чувствовал непосредственной опасности, но для того, чтобы вытащить клинок, ему потребуется время, равное одному-единственному удару сердца. На собственном горьком опыте он усвоил, что ослабить бдительность — значит, навлечь беду.

Вскоре из разбитого прохода на лестничную клетку вышла ещё одна гигантская человекообразная фигура в силовой броне, поднимавшаяся навстречу дневному свету. Экипированы оба легионера были одинаковым образом: броня модели Mk VI «Корвус», здорово напоминающая доспехи Кровавых Ангелов на поле брани там, внизу — однако, в отличие от последних, лишённая окраски. Керамит их наголенников и перчаток отличался серым оттенком сланца или океанского шторма.

— Рад встрече, родич, — сказал новоприбывший, но тепла в его тоне не наблюдалось.

Натаниэль Гарро, бывший боевой капитан Гвардии Смерти, бывший агенция-примус Малкадора Сигиллита, склонил голову в приветственном кивке.

— Хелиг Галлор, — произнёс он, узнав собеседника по манере держаться, а не по голосу. — Вижу, ты всё ещё не умер.

— Невзирая на все попытки судьбы, — последовал угрюмый ответ. Галлор снял шлем, желая быть с собеседником на равных; взору Гарро открылось знакомое, по обыкновению серьёзное лицо.

В былые времена Галлор тоже был одним из сыновей Мортариона, одним из воинов легиона Гвардии Смерти, и его путь полностью соответствовал истории Гарро в отказе от акта предательства против Терры. Оба представляли собой осколки идеалов легиона, которого больше не существовало — последние из горстки лоялистов, чей генетический отец-примарх отвернулся от Императора и принял путь предателя. Оба на какое-то время открыли для себя новый смысл существования в качестве Странствующих Рыцарей под командованием великого псайкера Малкадора, агентов правой руки Императора.

Впрочем, невзирая на общее происхождение и схожие обстоятельства, что привели их к нынешнему положению, дружбы между ними не было. Гарро воспринимал Галлора как неосторожного и даже недисциплинированного человека. В свою очередь, Галлор считал Гарро чопорным, надменным и высокомерным.

Хелиг кивнул в сторону наплечника бывшего боевого капитана.

— Ты больше не носишь печать Сигиллита на своих доспехах.

— Это оказалось не такой уж и большой проблемой, — коротко кивнул Гарро. — Малкадор великодушно освободил меня от служения Трону... как будто простая гравировка на керамите была всем, что привязывала меня к исполнению долга.

— Лишь в смерти заканчивается долг, — повторил Галлор старый, заученный принцип безо всякого сознательного воспоминания — слова исходили из глубокого резервуара гипнологической обработки, запечатлевшейся в обоих легионеров ещё в бытность их новичкатами.

— Именно. Так какой же долг заставил тебя броситься на поиски меня в эти полные уныния дни, брат? Я не видел тебя со времён миссии у Сатурнианской стены.

— Полные уныния? — переспросил Галлор, уклоняясь от ответа. Что ж, пожалуй, так. Но скажи мне, разве ты не хранишь пламя надежды в своём сердце, под защитой своей брони? — Он указал на роскошного золотого орла, украшавшего нагрудник Гарро. — Разве ты не несёшь эфемерный свет в своей душе? Разве не таков твой путь теперь?

Гарро сжал губы в ответ на завуалированный вызов, испытывая неуверенность в отношении того, куда ведёт этот разговор.

— Я верю в то, во что я верю. Что Император защищает.

— Он не в силах защитить всех и каждого, — возразил Галлор. — Он полон могущества, но Он не бог. — Его собеседник склонил голову в сторону. — Не так ли?

Гарро ничего не сказал, отказавшись поддаться на провокацию. Задолго до начала Осады Терры, задолго даже до предательства магистра войны появились те, кто считал Императора Человечества скорее божеством, нежели смертным. Они носили множество имён — последователи Лектицио Дивинитатус, Истинный Род, Империады, Светоносцы — и практиковали множество форм выражения своей

преданности, какой бы та ни была. Гарро не причислял себя ни к одной из этих групп, но он *верил*. *Вера* была с ним.

Вот только когда его попросили как следует объяснить свои убеждения, слова подвели его.

— Я много раз сталкивался со смертью и всё ещё жив, несмотря ни на что, — пробормотал он. — Этому должна быть причина, клянусь Троном. Однажды мне сказали, что я человек, которому *нужна цель*. Я предпочитаю держаться за это до сих пор. — Бывший боевой капитан отвёл взгляд. — Называй это как хочешь, брат. Мне всё равно, если ты решишь, будто я заблуждаюсь.

К его удивлению, Галлор рассмеялся — резко, пускай и горько.

— Я бы не посмел! В такие тёмные дни, как этот, кто я такой, чтобы бросать вызов тому, что дарует воину помощь? Нет, мне просто хотелось узнать, изменилось ли твоё мнение по данному вопросу. Как я вижу, вовсе нет.

— О, ещё как, — поправил Гарро своего товарища, и на лице его отразилась мрачная торжественность — Моя вера подвергалась испытаниям снова и снова, но никогда — так серьёзно, как сейчас, — он указал в сторону опустошённых развалин на горизонте. — Терра пылает вокруг нас настолько яростным и всепожирающим пламенем, что ни один меч и ни один болтер не в состоянии отразить этот огонь. Я оказывал помощь защитникам Дворца повсюду, где только мог, сражаясь меж зубцов крепостных стен и в донжонах, и всё же зараза тщетности словно бы прилипла к моей спине.

Галлор кивнул.

— Я тоже это чувствую.

Когда явилась армада Гора, когда его корабли затмили небеса, в обоих сердцах Гарро возродился некий порыв воинственного веселья. Он стоял там со своим эрзац-родичем Гарвелем Локеном и готовился к битве столь славной, что её будут воспевать ещё десять тысяч лет, однако реальность изнурительной, чудовищной осады намертво выжгла все эти чувства. Огромный, всевластный размах Дворца, этого истинного города-государства, некогда почитаемой жемчужины Терры, превратился в адский кратер, наполненный пролитой кровью и осколками жестокой войны.

Душу Гарро наполняло предчувствие чего-то неизбежного. Словно бы ощущая, как вокруг него вращаются важнейшие винтики какого-то невидимого механизма, он подумал о том, что может лишь догадываться о возможных поворотах судьбы. И теперь, когда его потерянный легион был на подступах, а его бывший примарх маршировал где-то среди них, душа Натаниэля ощутила истинную силу чего-то, о чём он так редко задумывался.

Власть страха.

— Он там, — произнёс Гарро, озвучивая свои мысли.

— Мортарион. — Галлор с полуслова понял, о чём речь, и поморщился, произнеся это имя. — Наш вероломный владыка снова вернулся, чтобы уничтожить нас.

— Точно, — Гарро хотелось озвучить куда больше своих мыслей, но он сдержал их, испытав внезапную неуверенность.

Что такого он мог бы ещё сказать Галлору, чтобы это не омрачило их разговор ещё сильнее? Что он страшится того, что произойдёт в тот момент, когда Мортарион предстанет перед ними? Что он не в

силах отделаться от ощущения, будто живёт в долг, и что ещё хуже — что конец Натаниэля Гарро наступит прежде, чем у него появится шанс исполнить своё предназначение в этой жизни?

И самые предательские, самые ужасные слова, которые он только осмеливался произнести, с которыми он вообще едва ли мог смириться — ужасающая вероятность того, что Гор Луперкаль действительно сможет забрать Терру в свои руки, невзирая на всё, что сделали верноподданные, чтобы положить конец его ереси.

Холод пронзил кровь Гарро, и его рука сжалась на рукояти меча. *«Я умру тысячу раз, прежде чем позволю этому случиться».*

Он успокоился и вновь окинул взглядом Галлора.

— Ты не ответил на мой первый вопрос. Не сказал, почему ты здесь. У тебя есть веская причина, чтобы отвлечь меня от размышлений. Тебя кто-то послал?

— В некотором смысле, — согласился Галлор. — Тебе бы следовало кое-что увидеть.

Родич Гарро не стал утруждать себя объяснениями, что в равной степени было вызвано его скрытностью и высокой долей вероятности того, что какие-нибудь шпионы изменников наблюдают за их позицией. Вместо этого Галлор молча предложил ему спуститься вниз, на уровень земли, после чего оба воина в ускоренном темпе побежали дальше.

Продвигаться по пересечённой местности товарищам пришлось вприпрыжку; они бежали через неглубокие каньоны из обломков и сгоревших боевых машин, огибая глубокие воронки, в которых ещё шипели бурлящие чаши жара от попаданий макроснарядов. В скором времени поле битвы превратилось в остатки какой-то широкой площади. Некогда прекрасные мозаики и элегантные каменные фризы сплывались в единую массу чёрного стекла, а от сада скульптур в центре площади остались лишь основания высочайших статуй.

Легионеры подошли к небольшому наблюдательному аванпосту, представлявшему собой лишь немногим большее, чем скопление пластовых палаток, которые в настоящий момент разбивала команда сервов IX легиона. Четверо Кровавых Ангелов наблюдали за появлением собратьев по оружию издали, коротко кивнув в знак приветствия, но не более того.

Гарро отметил элегантное единообразие лиц Кровавых Ангелов. Несмотря на свои боевые шрамы, они сохраняли внешнюю красоту, вторя своему крылатому ангельскому прародителю. И всё же их благородство казалось приглушённым, будто война выбила его из них. Гарро доводилось сражаться вместе с Кровавыми Ангелами прежде, и он знал, что если их спровоцировать, высвободится скрывающаяся под всем их достоинством ярость убийц, так что теперь Натаниэль представлял себе, как эта скованная ярость вырывается на поверхность, готовая обрести свободу.

— Здесь, — Галлор остановился у замаскированной юрты и откинул дверной полог, чтобы Гарро сумел войти. Склонив голову, воин прошёл внутрь, в тень, и Галлор последовал за ним.

Как только товарищи оказались внутри, Хелиг занялся грудой ящиков, копаясь в одном из них в явном стремлении что-то найти.

— Я попросил наших кузенов охранять это, пока я буду искать тебя, — объяснил он. — Хотел оценить твоё расположение, прежде чем покажу.

Гарро скрестил руки на груди.

— Знай, у меня нет настроения на игры и ребусы, — отрезал он. — Так, и что тут у нас?

— Гляди, — второй воин продемонстрировал ему сверкающий гололитический бриллиант. Внутри его сложной кристаллической структуры могли содержаться огромные массивы данных или изображений, которые можно было хранить и практически нереально — стереть. Галлор вставил драгоценный камень в считывающую матрицу тактического проектора в углу помещения.

Устройство ожило с тихим жужжанием, воспроизводя дымчатую сферу голографического света. Кристаллическая решётка алмаза переводила его содержимое в трёхмерные изображения, которые колебались и танцевали между двумя воинами.

Гарро созерцал с высоты птичьего полёта другие бастионы вдоль линии фронта — он узнал Корбеник, на тот момент всё ещё остававшийся невредимым, а также массивные крепости Горгонов Рубеж и Мармакс. Облачённые в латную перчатку пальцы Галлора деликатно двигались, манипулируя элементами управления проектора, чтобы ускорить просмотр хранящихся в бриллианте данных.

— Подобно тебе, — продолжил Хелиг, — за время Осады я тоже побывал в самых разных уголках, от Европейской стены до Врат Гелиоса, оказывая посильную помощь тем, кто нуждается в защитнике или в ещё одной сильной руке. Недостатка в тех, кто оказался в невыгодном положении, не было.

Гарро кивнул.

— Когда приказов не отдают, мы выполняем свои собственные.

— Действительно, — Галлор помедлил, и Натаниэль ощутил, что свои следующие слова Хелиг подбирает с особой осторожностью. — За время моих странствий до меня доходило немало сведений, некоторые из них оказались бесполезны, однако другие — весьма точны. Несколько дней назад я столкнулся с экипажем сбитого летательного аппарата — уцелевшие отступали в сторону позиций верных Трону. Они дали мне это... — он постучал по бриллианту, — ...и поведали мне историю.

Галлор продолжал, особо отметив, что он никому не говорил о том, что услышал от экипажа. Он оставил их историю непосредственно для Гарро, сохранив услышанное в секрете даже от сопровождавших его Кровавых Ангелов. Поначалу Гарро не понял, отчего его родич действовал с такой осторожностью, однако как только второй Странствующий Рыцарь закончил свой рассказ, причина стала ясна.

К югу от Бастиона Колоссов стояла братская цитадель Мармакс — ещё одна гигантская твердыня, выстроенная по личному замыслу Императора и укреплённая сверх того его непоколебимым сыном Рогалом Дорном из Имперских Кулаков. Подобно ныне покинутым Колоссам, территория Мармакса также столкнулась с серьёзным натиском предателей, причём с возобновлением наступления Гвардии Смерти и Легио Мортис ситуация ухудшилась ещё больше.

Солдаты на передовой гибли толпами ежедневно, однако в истории Галлора содержалось упоминание о своеобразной аномалии при подсчёте павших. В секторе северо-западной стены бастиона Мармакс, там, где бушевали одни из наиболее жестоких боёв, защитники зоны под названием Уровень Дилекцио *удерживали* свои позиции, пока всё вокруг них рушилось.

— Они преодолевают в критической ситуации, — нахмурившись, сказал Галлор, — День за днём, так мне сказали, — продолжая свой рассказ, он работал над настройками проектора, стремясь отыскать участок порядка посреди хаоса, а затем отрегулировал масштаб изображения, чтобы увеличить снимки яруса,

пока они не заполнили всё внутреннее пространство юрты. — Они уже должны были умереть раз двадцать и обратиться в пепел, Гарро. И всё-таки они *продолжают сражаться*. Эти обычные солдаты, простые люди, отбивают атаки, которые по всем признакам должны были их перемолоть.

— Ты подозреваешь, что тут не обошлось без какой-то... *скверны*?.. — Гарро не решился воспользоваться правильной формулировкой. Слова о «демонах» практически слетели с его губ, но он вовремя успел поправиться.

— Поначалу да, — ответил Галлор. — Однако реальность оказалась совсем иной. Я стремился узнать больше, и при этом обнаружил, что нечто движет всеми этими солдатами. Голос. Не совсем лидер, но... — Хелиг нахмурился. — Можно сказать, достойная уважения фигура. Этот человек сплачивает солдат, чтобы те сражались за пределами своих обычных способностей.

— Псайкер, стало быть.

— Непонятно, — пожал плечами Галлор. — Ты подготовлен куда лучше меня, чтобы ответить на этот вопрос самостоятельно.

На лице Гарро отразились эмоции его родича. Он начал терять терпение.

— Говори прямо! О чём ты толкуешь?

— Ты знаешь её, — пояснил второй воин, выбирая группу фигур, запечатлённых на изображении осаждённой крепости, после чего приступил к увеличению и улучшению резкости до тех пор, пока не стали видны отдельные лица.

Гарро увидел застывшие образы десятков солдат Имперской Армии, запечатлённых с ружьями и винтовками, вздымаемыми в воздух с победными криками. Бойцы выглядели измученными и утомлёнными, но их глаза светились тем же дерзким, воинственным рвением, которое Гарро чувствовал в тот день, когда пришёл Гор.

В самом центре группы находилась женщина в поношенном гражданском комбинезоне, и все солдаты вокруг неё держали руку на её плечах или спине. Не как просители, прикасающиеся к какой-то священной реликвии, но как друзья, объединённые простым моментом человеческой связи.

Он знал её.

— Киилер, — имя слетело с губ Гарро приглушённым вздохом.

— Святая, — добавил Галлор.

Гарро покачал головой.

— Она не выбирала себе этот титул. Другие возложили его на неё, заставили её нести сопряжённое с ним бремя. Истина гораздо сложнее.

Натаниэль полагал, что Эуфратия в безопасности, что она хорошо защищена и скрывается в одном из самых безопасных убежищ, что находятся во власти Императора, но увидеть её вот так, её смеющееся лицо, обращённое к небесам и открытое для нападения в любой момент... Резкий шок от осознания увиденного заставил Гарро сжать кулаки.

Эуфратия Киилер, в прошлом одна из летописцев, когда-то была направлена в Имперский Флот, чтобы

задокументировать процесс Великого крестового похода посредством своего пиктера и художественного чутья, но впоследствии ей пришлось оставить привычный жизненный уклад, когда череда событий вовлекла её в болото интриг магистра войны.

Случившееся изменило её кардинальным образом, так, как не мог ожидать никто, и вскоре нити её судьбы переплелись с судьбой Натаниэля Гарро. Как верно заметил Галлор, некоторые знали её как так называемую Святую, глас зарождающейся Имперской Истины о божественности Бога-Императора Человечества. Некоторые утверждали, что она была отмечена силой Императора, и даже могла быть проводником Его величия.

Гарро знал её как нечто иное. Источник вдохновения. Светоч во тьме, указывающий путь вперёд. Женщина, которая вновь и вновь помогала воину своими советами после трагедии на Исстване.

«Без неё, — размышлял он, — я бы пропал».

Но она должна была скрываться, оставаться под защитой от опасностей, пока не погаснут последние пожары Осады Терры.

— Что она там делает? — вымолвил Гарро.

— Я бы сказал, что она занимается тем же, что и мы с тобой, — отозвался Галлор. — Оказывает помощь там, где может.

— Она в опасности, — возразил он. — Это... — Гарро указал на гололит. — Это слишком большой риск. Я должен забрать её из Мармакса, увезти, пока её безрассудство не привело её к гибели! — Он уставился на изображение, пытаясь проникнуть в мысли Киилер.

«Что могло заставить её подвергнуть себя настолько большой опасности, оказавшись у всех на виду посреди зоны боевых действий?»

— Я привёл тебя сюда и показал это, потому что знаю о твоих убеждениях. — Галлор посмотрел на своего старшего товарища. — Пускай сам их и не разделяю. Но, тем не менее, у меня есть своего рода вера — *в тебя*. Если отбросить в сторону наши разногласия, боевой капитан, я понимаю, что эта женщина играет важную роль в том, к чему придёт Империиум после смерти Гора Луперкаля. Я буду сопровождать вас.

— Прими мою благодарность, — ответил Гарро. — Но ты не обязан.

— Знаю, — отозвался Галлор. — И всё же я сделаю это. Если хочешь, можешь считать это неуместной ностальгией с моей стороны по тем временам, когда мы были Гвардией Смерти. Когда это что-то значило.

— Очень хорошо.

Галлор убрал гололитический бриллиант, и проецируемое изображение исчезло. Он взвесил вещь в руке, а затем добавил ещё кое-что.

— Скажу так, — продолжил он. — Приготовься к разочарованию. Она не похожа на женщину, которая с лёгкостью покорится воле другого, будь то человек, легионер... или бог.

ГЛАВА 2

Мармакс

Только истина

Шёпоты

Пламя, дым и ярость испытывали на прочность широкую пиловидную каменную кладку уровня Дилекцию, разливаясь по скалобетонным плитам и с грохотом обрушиваясь на ряды осаждённых защитников.

Разряженный аккумулятор лазпистолета обжёг короткие загорелые пальцы Маэд Костагар, когда она вытащила его, откинув ствол оружия. Затейливо ругаясь себе под нос, капитан отшвырнула горячий цилиндр вдоль зубчатой стены в корзину, практически до самых краёв набитую разряженными батареями винтовок её роты. Один из бегунов-сервиторов то и дело приходил и оттаскивал содержимое корзины на подзарядку — если, конечно, в настоящий момент уже не превратился в грудку холодного мяса и железа, лежащую в луже масла.

Стараясь не думать о том, что кончаются зарядные батареи — или патроны для стабберов, или аптечки, или бойцы — Костагар всадила свежую батарею в казённую часть своей пушки, защёлкнув её одним движением запястья. Старое оружие вновь загудело, надёжное, что твой рассвет, вознаграждая её за доверие и заботу куда лучше любого из её бывших мужей. К сожалению, остававшиеся в распоряжении её солдат батареи начинали садиться, их становилось всё труднее перезаряжать, раз за разом они всё быстрее теряли свою мощность. Об этом Костагар тоже пыталась не думать.

Она выскочила из укрытия и прикончила ближайшего ублюдка-культиста, карабкавшегося в её сторону по наклонной стене. Этот отброс, а именно так прозвали их гнусную породу солдаты, был весь обмотан чумазыми зелёными лентами и пробирался вверх по крутому склону с помощью грубых наручных когтей, сваренных из кусков ржавого железа. Лицо его было раскрашено чем-то грязным, мазня на коже изображала три грубых круга, обрамлявших безумные глаза и разинутый рот.

Луч Костагар пронзил грудь отброса и взорвал его спину в вихре перегретой крови. Мертвец покатился вниз по склону, врезаясь в десятки карабкающихся ниже товарищей. Некоторых он забрал с собой, когда его оборванный труп исчез среди тумана войны, но врагов по-прежнему оставалось слишком много. Каждый последующий час казалось, что бастион осаждают целая армия.

У одних были когти или лестницы из «помнящего металла», у других — всевозможные инструменты, шахтёрские кирки или отбойные молотки; некоторые использовали тросы, свисавшие со вбитых в камень пневматической пусковой установкой скоб. Культисты карабкались по внешним ярусам бастиона Мармакс, распевая песни и требуя крови, убивая всё на своём пути. Один уровень за другим уже пали жертвами их хищничества, вынуждая силы под командованием Костагар запечатать лестничные клетки и лифтовые шахты на нижних уровнях, забаррикадировавшись в одном месте.

Мужчины и женщины вокруг капитана представляли собой лоскутное воинство из выживших бойцов доброго десятка различных рот, которых удалось собрать воедино благодаря её, Костагар, мудрости — или, быть может, глупости. Их униформа и боевое снаряжение выглядели начисто лишённым единообразия набором всего, что они унесли после разгрома своих собственных подразделений. Капитан рассредоточила их по основным подступам, с половиной доступной огневой мощи против десятикратно

превосходящего их по численности врага.

Разодетые гвардейцы и простые линейные пехотинцы. Фельджандармерия и военнослужащие тыла. Все они и множество других, вооружённые лазвинтовками и стабберами, баллистическими метателями дротиков и гранатомётами, а единственное, что всех их объединяло — это воля сражаться. Желание *продолжать* борьбу вместе с осознанием чёртовой горькой правды о роке, что собрался у их ворот.

В глазах Костагар читалась решимость убийцы — действуя с известной осторожностью, она прицеливалась и стреляла, и ни один из её выстрелов не пропал впустую.

Никто точно не знал, откуда взялись Отбросы со своим безумием и покрытыми грязью да татуировками в виде тройственных символов телами. Некоторые из младших офицеров шептались, будто предатели привезли их на Терру с покорённых миров, что все они были рекрутами, прошедшими химическую обработку для службы в ударных частях. Другие со страхом перешёптывались, что имеют дело с изменившимися пленниками и перебежчиками, марионетками, брошенными на те самые бастионы, которые когда-то в прошлом они могли оборонять.

Костагар сомневалась, что последнее было правдой. Мятежники пленных не брали. И больше всего она страшилась не стирания собственного разума, но того, чему предшествуют атаки Отбросов.

Сегодня уровень Дилекцио осаждала вражеская ауксилия, а это означало, что в скором времени явятся настоящие завоеватели — легионы запятнавших свои обеты Астартес под знаменем магистра войны.

Отбросы были только началом одной конкретной битвы в продолжающейся осаде Императорского дворца — эти тупые инструменты невеликого воинского таланта стали удобным средством для ослабления оборонительных линий вокруг Мармакса. Они потратят свои ничтожные жизни в стремлении подавить крепостную артиллерию, подрывая боевой дух защитников, сводя их усилия на нет и тем самым подготавливая почву для неизбежного удара молота.

— Что они творят?! — раздался пронзительный крик молодого парня в панцирных доспехах, стрелявшего по вражеской орде из стаббера с барабанной подачей. Палил он очередями, широко выпучив глаза. — Это шлюхино отродье что, плодится там, как крысы? Слишком уж их много!

— Что бы там ни было, продолжать стрельбу, — крикнула капитан, заставив юношу испуганно вздрогнуть. «Грефф. Его зовут Рольд Грефф», — напомнила она себе. Боец не видел её, притаившуюся поблизости за тем же ограждением. — Пока до них не дойдёт смысл нашего сообщения, ясно?

Грефф машинально кивнул, но она знала, что кроется в его взгляде. Парень терял самого себя, страхась, что каждый удар его сердца может оказаться последним.

Как и Рольд, все остальные тоже вели огонь по наступающим верхолазам. Костагар держалась на несвежем рекафе, палочках лхо и самом минимуме драгоценного сна. Она знала, что за спиной её притаилась тень усталости, и если она позволит ей приблизиться, та заключит её в свои объятия. Поташит её за собой. Смутит её мысли.

«И если это произойдёт...» Враг воспользуется полученным преимуществом и поглотит их всех.

Отбросы продолжали наступать, атакуя из дыма через случайные промежутки времени, предсказать которые не представлялось возможным. В конечном итоге они истошат всех на уровне Дилекцио, как это случилось с защитниками нижних участков крепости.

«Мы здесь последние. Если мы падём... бастион Мармакс будет потерян».

В лётном ангаре на другой стороне крепости располагался летательный аппарат, способный за один раз эвакуировать всех и каждого, кто ещё продолжал сражаться на этом ярусе. Однако приказ главнокомандующего силами лоялистов на Осаде, самого примарха Рогала Дорна, был предельно ясен: им следовало продолжать удерживать позицию. Держаться настолько долго, насколько они смогут.

Вскоре на зубчатых стенах воцарилась дивная тишина, словно бы грохот всех орудий разом остановился, а вражеские вопли ненадолго умолкли.

— Ни шагу назад, — произнёс голос. — Я знаю, насколько это тяжело. Знаю, что каждый вздох — это борьба. Каждый шаг подобен бегу на марафонской дистанции, но вы в силах сделать это. Вы сможете удержать эту позицию.

Голос этот не был криком, в нём не было воинственного рёва или грозной демонстрации силы. Не был он ни гимном, ни проповедью, но и не шёпотом, а чем-то сильным, постоянным и честным. Все слушали этот голос. Каждый слышал его.

— Я знаю, что вы видели, — продолжал голос. — Ужасы, свидетелями которых вы стали, жертвы, которые все вы принесли. Знаю, насколько пусты ваши животы, как вам хочется, чтобы всё вокруг остановилось на миг, чтобы вы могли отдохнуть. Мне ведома тьма, которую вы чувствуете, как и пустота в ваших сердцах. Отчаянье и страх. Но вместе с тем я знаю, насколько вы сильны. Я верю в каждого из вас. Вам под силу сделать это. Вам под силу пережить это.

По открытым вокс-каналам и громкоговорителям голос доносился до всех, невзирая на сильный ветер.

У самой Костагар этот голос вызвал тёплые воспоминания о её старшей сестре Гале, умершей давным-давно, но никогда не покидавшей её мысли. Сестра всегда умела подобрать нужные слова, когда маленькая Маэд просыпалась после ночного кошмара или была застигнута горем. Другие бойцы слышали голос иначе, но в схожем ключе. Мягкая речь оратора пробивалась сквозь страх и воодушевляла всех, кто её слушал.

— Ни шагу назад, — продолжал голос. — Смотрите на тех, кто стоит рядом с вами. Вы бьётесь за них. Они сражаются за вас. Вместе мы выстоим наперекор всему, с чем бы мы ни столкнулись.

Невзирая на происходящее, круглая ряшка капитана расплылась в ухмылке. Волна новообретённой уверенности поднялась в её груди, и она осмелилась поверить, что сегодня её люди, возможно, сумеют одержать победу, что им удастся удержать уровень Дилекцию ещё ненадолго.

Находившийся рядом с ней Грефф, казалось, вырос над собой — или же он и в самом деле стал выше, чем мгновением раньше? Парень больше не пытался спрятаться. Страх ещё не отпустил его до конца, но теперь он не позволял ему управлять своими действиями.

— Ни шагу назад! — эхом повторила Костагар, и её крик пронёсся по всей зубчатой линии стен, повторяясь вновь и вновь.

«Ни шагу назад!», «Ни шагу назад!», «Ни шагу назад!»

Голоса дружного хора прорезались звуками стрельбы, когда защитники бастиона начали огрызаться. Лазерные лучи рассекали дым, раскалывая молекулы воздуха с пронзительным визгом парового котла. Крупнокалиберное стабберное вооружение, будь то переносные единицы или же тяжёлые орудия для

стрельбы с плеча с магазинным питанием, обрушивали свой смертоносный боезапас на беспорядочную массу Отбросов с одинаковой яростью.

Потрёпанные огнём защитников вражеские войска отступили. Осадные лестницы и тросы оборвались, наступающие начали отход. В скором времени атака неприятеля обратилась лихорадочным коллапсом, линия строя культистов смешалась. Они со всех ног драпали в клубившийся внизу дым, освещённый отблесками пламени.

Боевые кличи защитников смолкли. Атаку снова удалось отбить, и на какое-то время Костагар и её бойцы могли позволить себе передышку.

Капитан опустила на корточки и проверила заряд своего лазпистолета, выпуская пары охладителя вниз по длинному, богато украшенному стволу. Она пережила ещё одну битву и выжила, чтобы рассказать об этом.

Грефф и остальные встретили отбитую атаку неровными, наглыми аплодисментами, которые разнеслись по длинным дорожкам, словно солдаты были болельщиками на скрамбол-матче, заглушавшими проигравшую сторону. Капитан не стала вмешиваться. Ей было недосуг навязывать подчинённым собственные представления о приличиях.

«Я позволю им кричать, — подумала она. — Может наступить миг, когда это оружие останется единственным во всём их арсенале».

— Маэд, — произнёс голос совсем рядом с ней. — Тебя ранили.

— Меня? — едва слова слетели с губ капитана, она почувствовала, как по лбу стекает струйка чего-то густого и тёплого. Протянув руку, Костагар обнаружила неглубокий порез, впрочем, довольно сильно кровоточивший — именно туда во время боя на ближней дистанции угодил осколок. Боли она не почувствовала.

— О, поверь, выглядит оно хуже, чем есть на самом деле, — сказала она и подняла голову, чтобы посмотреть, кто разговаривал с ней.

— Тем не менее, в рану может проникнуть инфекция. Позволь мне помочь, — непримечательная на вид в обычном рабочем комбинезоне и потрёпанной тёплой куртке явно большего размера, чем следовало, Эуфратия Киилер на первый взгляд ничем не отличалась от любого другого человека, пережившего вторжение магистра войны. Она раскрыла висевший на плече полевой рюкзак, залезла внутрь в поисках лейкопластыря, после чего принялась чистить и перевязывать капитанскую рану.

Добрый, сдержанный голос Киилер успокаивал сильнее, чем обеззараживающие препараты, которые она прикладывала к порезу, и Костагар слегка улыбнулась.

— Спасибо. Спасибо большое, Эуфратия. Не знаю, как ты это делаешь... но твои слова всегда выше любой чепухи и банальности.

— Я всего лишь помогаю людям вспомнить об их собственном мужестве, — отозвалась Киилер, отмахнувшись от комплиментов. — Ничего более.

Из уст кого-то другого это могло прозвучать как ложная скромность, однако в случае Киилер каждое её слово звучало одной лишь истиной. Костагар в своей жизни встречала не так уж много людей, которых можно было бы назвать «самоотверженными», но эта женщина явно была одной из них. Эуфратия

Киилер вернулась в тот момент, когда на нижних уровнях всё ещё бушевали бои, и предложила свою помощь с ранеными. Отчаянно нуждаясь в любом содействии, капитан была только рада принять её. В скором времени кругом разнеслась молва о ясноглазой женщине с потрёпанным старым пиктером в руках, которая время от времени занималась съёмкой сражений, но всегда находила время для тех, кому требовалась помощь.

Подобно давным-давно умершей сестре Костагар, Эуфратия, казалось, умела подобрать нужные слова к любому человеку, когда тот нуждался в этом. Она не прибегала к лести и не уговаривала, а просто делилась правдой тогда, когда это было нужнее всего.

Капитан встретила взглядом со своей собеседницей.

— Знаешь, без тебя... мы бы не смогли протянуть так долго. — Она вздохнула, формулируя следующий вопрос, и озвучила его почти что шёпотом. — Кто *послал* тебя к нам, Эуфратия?

— Мне открылось, что во мне нуждаются. — Киилер отвела взгляд, заканчивая процедуру наложения повязки. — Во всём этом ужасе человек вроде меня способен сделать одно из двух, и только. Я могла помочь, а могла и сбежать. И я устала бегать.

Костагар поднялась на ноги, готовая продолжить свои вопросы, но тут её внимание привлёк крик, доносившийся из-за крепостной стены. Грефф подбежал к своему капитану, тяжело дыша в разреженном гималазийском воздухе.

— Стрельба, мэ, — сообщил он. — Второй квадрант, в тумане! Похоже на крупнокалиберные болтеры!

Челюсти Маэд Костагар сжались. Неужто Отбросы возвращаются снова, не желая даровать защитникам бастионы ни минуты передышки? Тот же самый вопрос она увидела в глазах Греффа, и покачала головой.

— Хочу увидеть это своими глазами.

Грефф повёл её обратно вдоль зубцов, выбирая путь через бреши в высоких стенах и секции, где сервиторы трудились над устранением повреждений. Костагар обратила внимание, что Киилер увязалась следом; когда Эуфратия проходила между бойцами, те устало кивали и слегка улыбались ей.

Капитан слышала звуки боя ещё до того, как они добрались до пункта назначения. Методичный грохот болтерного огня по стенам звучал подобно раскатам грома, но Костагар всё-таки осмелилась подойти к самому краю зубцов и выглянуть на широкий каменистый склон. Сквозь клубы дыма разглядеть хоть что-то должным образом было весьма непросто, но ей удалось распознать кратковременные дульные вспышки выпускаемых ракет, а также струи выбрасываемого пламени, освещавшие дымку изнутри.

Эти звуки были не единственными. Громкие вопли агонии, обрывавшиеся совершенно внезапно, глухой рокот крак-гранат. Она увидела, как что-то непонятное закружилось и покатило прочь, словно подброшенное с одного из нижних уровней в воздух, после чего рухнуло на далёкую землю внизу.

— Это был человек, — заметил Грефф, с немалым риском для своей головы выглянув из укрытия. — Отброс?

— Они что, дерутся между собой? — озвучила свои мысли Костагар. Если так, то для противника это было что-то новенькое.

Орудия внизу умолкли, и находившиеся в квадранте солдаты напряглись, подняв лазвинтовки в

предвкушении того, что же последует дальше.

Костагар выхватила свой пистолет прежде, чем вообще осознала это, и подняла его в безмолвной команде. *«Не стрелять»*.

— Видите? — голос Греффа понизился до испуганного шипения. Он ткнул пальцем в сторону клубящейся дымовой завесы. — Мэм, взгляните сюда!

То, что она увидела, поначалу было всего лишь намёком на движение — смутные очертания фигур, плывущих в чёрной дымке. Эти существа могли быть людьми — а могли и кое-кем похуже. Костагар услышала хруст керамики о дробящийся камень, и сквозь свои собственные сапоги ощутила дрожь поступи гигантов.

— Ясно, — прокомментировала она.

Неповоротливые фигуры, закованные в потрёпанные, изношенные в боях силовые доспехи, поднимались по стене бастиона с выгоревшего нижнего уровня. Сердце Костагар ёкнуло при осознании открывшейся перед ней картины.

«Легионеры».

Никаких больше Отбросов, никаких безумцев и призывников. Пред нею предстали сотворённые гением Самого Императора воители, и с каждым из них не справились бы и все её солдаты вместе взятые. В кулаках размером больше человеческого черепа они сжимали стрелковое оружие и мечи. Легионеры с ног до головы были облачены в доспехи, способные выдержать попадание танковых снарядов.

Поговаривали, что их породу невозможно убить, и на протяжении многих лет своей жизни Маэд Костагар считала это пропагандистской гиперболой, выдуманной кем-то из Совета Терры. Но затем её перевели с домашней службы на равнинах Инда на одну из желанных должностей в Императорском дворце. Именно там она впервые узрела воина Легионес Астартес во плоти и пожалела о своём былом скептицизме.

Куда бы ни ступали легионы, они приносили с собой разрушение. Теперь же два воплощения рока взбирались по камню под её ногами, медленно, неуклонно и неумолимо. Отенок их брони было тяжело разглядеть, но капитан уже видела полчища Гвардии Смерти прежде, и знала, что незваные гости не могли быть никем другим.

Она прицелилась из лазпистолета, и солдаты последовали её примеру. Это будет их единственный шанс оказать хоть сколько-нибудь значимое сопротивление. Возможно, удачное попадание сможет спасти им жизнь. Костагар знала, что если хоть один-единственный легионер доберется до их уровня с убийственными намерениями, живым не уйдёт никто.

Но как только палец капитана лёг на спусковой крючок, тонкая рука с длинными пальцами опустилась ей на запястье, и Маэд Костагар снова услышала голос.

— Маэд, прошу тебя, не нужно, — сказала Киилер. Она стояла прямо рядом с ней, на краю зубчатой стены, вне укрытия. — Позволь мне поговорить с ними.

«Ты с ума сошла?» Слова едва не слетели с губ Костагар, когда Киилер прошла мимо неё, намеренно двигаясь в открытую.

— Эуфратия, нет! — капитан схватила штатскую за рукав и попыталась затащить её в укрытие.

Киилер стряхнула капитанскую руку и крикнула:

— Добро пожаловать, Натаниэль! Рада снова видеть тебя!

Возглавлявший прибывшую пару воин остановился и посмотрел вверх, отполированные линзы его боевого шлема остановились на двух женщинах. Костагар поняла, что направляет своё оружие прямо на голову легионера, и медленно опустила его. Воин кивнул в ответ.

— С вашего позволения, капитан, — сказал он, и его слова разнеслись по всей стене. — Можем ли мы пересечь вашу линию обороны?

— Если Эуфратия ручается за вас, — выдавила Костагар, как только к ней возвратился дар речи, — то, полагаю, вы вправе сделать это.

— Можно подумать, у нас есть выбор, — пробурчал Грефф себе под нос.

Капитан бросила на подчинённого предостерегающий взгляд, заставив его отступить назад.

— Захлопни своё щебеталище и смотри внимательно.

Греффу хватило ума сделать вид, что его только что должным образом наказали, и отступить до того, как два великана в серебристо-серых доспехах поднялись над крепостным валом и перелезли через него.

Костагар потребовалось собрать воедино всё своё самообладание, чтобы вести себя достойным образом в присутствии пары громадных воинов, и костяшки её сжатых вокруг рукоятки пистолета пальцев побелели. Она не могла заставить себя засунуть его обратно в кобуру, пока каждая клеточка её существа буквально вопила об *опасности*!

Киилер стояла между двумя легионерами, крошечная по сравнению с их тушами, но вместе с тем начисто лишённая страха. Действуя совершенно синхронно, воины протянули руки к своим шлемам и сняли их, открыв изрытые сеткой шрамов лица.

Костагар не могла отвести от них глаз. Тот, кто заговорил с ней — тот самый, которого Киилер назвала Натаниэлем — отличался от своего товарища боевым снаряжением, и в его внешности присутствовала странная доброта, которую она не ожидала от воителя Астартес. Второй, казавшийся моложе, держался настороже и зыркал вокруг с явным недоверием.

— Вот ты где, — сказал старший легионер, глядя на Киилер. — Признаюсь, меня в равной степени и радует, и раздражает то, что я нашёл тебя, — он перевёл взгляд в сторону Костагар. — Капитан, надеюсь, вы простите нам наше внезапное появление. Меня зовут Натаниэль Гарро, и я... — он остановился, словно поправляя себя, прежде чем продолжить. — Я служитель Терры и Империиума Человечества, — Гарро указал на своего товарища. — Со мной Хелиг Галлор, мой собрат по оружию.

— Вы из Гвардии Смерти.

«Или уже нет?» Теперь, когда она ясно видела обоих воинов, цвета их брони существенно отличались от расцветки доспехов XIV легиона. Тем не менее, все вокруг затаили дыхание, как только капитан произнесла эти слова.

— В прежние времена. Но не после предательства, — хмыкнул Галлор.

Капитан решила не цепляться к этому заявлению.

— Меня зовут Маэд Костагар, гарнизон Мармакса, и я командую уровнем Дилекцию. Что привело вас в наш уголок преисподней?

— Они здесь из-за меня, — ответила Киилер вместо Гарро.

— В точку, — подтвердил старший легионер, и его взор остановился на ней. — Нам надо поговорить, Эуфратия.

Под желтушным взором стоявшего на смотровом балконе примарха проносились развалины — повторяющийся пейзаж с обезглавленными башнями, разрушенными стенами и осколками прекрасных скульптур. Кругом царили разруха и упадок, повсюду лежали кучи щебня размером с город, которые не имели ничего общего с тем, что когда-то было целым.

Боевая барка «Зелёное сердце» с командным пунктом Мортариона низко плыла над обломками, словно галеон, пересекающий каменное море, гудя двигателями над марширующими рядами Гвардии Смерти и их ауксилариев. Слабый и отдающий чем-то порченным свет Солнца появлялся и исчезал в багровом небе с механической регулярностью, когда корпуса шагающих титанов скрывали его и вызвали кратковременные затмения. Ступая по краям шествующего воинства, исполинские машины раскачивались из стороны в сторону в такт своей громоподобной поступи.

Тонкие костлявые пальцы Повелителя Смерти потянулись к одной из нескольких сфер свисавшей с его пояса кадила. Сорвав её, будто плод с древесной ветки, Мортарион принялся катать её в своей бледной ладони туда-сюда, пока заключённые внутри химические вещества не начали бурлить. Из отверстий на поверхности сферы вырвались нити ядовитого дыма, и примарх поднёс их к вентиляционным отверстиям своей дыхательной маски, сделав глубокий вдох.

Землистый смрад особого яда заполнил его горло, и Жнец почувствовал, как зелье пытается бороться с его плотью, стремится уничтожить её. И всё-таки распад не распространялся дальше; частицы отравы сворачивались и поглощались кровью, которая сама по себе была куда более ядовитой, нежели самый смертоносный яд. Его беспокойная, изменившаяся плоть всё ещё была новой для примарха, и даже теперь Мортарион всё ещё продолжал изучать дары, которые принесло ему преобразование. Открывшиеся благодаря принятию Метки Дедули возможности менялись и росли с каждым днём, и он более не страшился их, но решил принять.

Мортарион втянул в себя каждый атом газовой смеси до последнего, смакуя то жжение, что они вызывали. Яд был собран с высочайших утёсов Барбаруса, куда из страха перед мучительной кончиной не смог бы рискнуть попасть ни один простой человек.

Барбарус — приёмную родину примарха под испорченными небесами — разорвал в клочья гнев Льва и его Тёмных Ангелов. Она останется мёртвой скалой на веки вечные, и от её истинного наследия сохранится немного. Теперь же — ещё меньше, ибо содержимое сферы рассеялось без следа. Мортарион раздавил сферу и швырнул её через проржавевшую балюстраду балкона в сторону обломков окраинных владений Императорского дворца.

«Пусть умрёт. — Шёпот идеи прозвучал в его сознании, возможно, явившись из глубины его собственных мыслей, а может, из других, куда более эфемерных царств. — Пускай Барбарус умрёт, а вместе с ним и Терра. Пускай умрут все миры — умрут, чтобы возродиться заново».

Эта мысль казалась в высшей степени уместной. Высокий, костлявый, облачённый в мантию с

капюшоном и несущий громадную косу на спине, Мортарион вызывал ассоциации с воплощением вестника смерти из мифологии тысяч человеческих культур. Он посмотрел на свои руки, изучая повторяющиеся тройственные шрамы на бледной коже.

«Жизнь. Разложение. И возрождение. Три истинных состояния бытия».

Он ничего не чувствовал от перспективы разрушить нечто столь прекрасное, как дом своего Отца. Ведь что такое красота, как не яркая и сияющая ложь? Он никогда по-настоящему не понимал глубины концепции красоты, никогда не утопал в совершенстве, как его брат Фулгрим. Красота, навязанная и сотворённая руками людей, была в его глазах чем-то постыдным. Фальшивкой.

То, чего искал Мортарион, было лишь *истиной*.

Влажный вздох возвестил об открытии ведущей в его покои перегородки, и примарх отвернулся от балкона аккурат в тот момент, когда два воина Савана Смерти двинулись, чтобы перехватить неожиданного посетителя. Безмолвные преторианцы Мортариона, сотворённые по его образу и подобию, были вооружены косами-«жнецами», перехваченными наизготовку.

Призывник из шабаша, чьё лицо представляло собой маску из смрадной крови, а изумрудного оттенка куртка была порвана в клочья, ворвался в комнату, словно ему отвесили пинок, и рухнул на пол. Саван Смерти приблизился к хныкающему человечешке, и в этот момент в покои примарха шагнула другая фигура.

«Тиф». Некогда Жнец считал этого воина своим старейшим, ближайшим другом, своим верным братом... но эти времена давно миновали. Теперь отношения Мортариона со своим первым капитаном, так называемым «Странником», можно было охарактеризовать только как «сложные».

Сопровождаемый дымкой крошечных мух, жужжавших над рогатыми наростами за его спиной, Тиф отвесил поклон, что лишь частично можно было бы счесть уважительным.

— *Милорд,* — прорычал он. — *Новости с передовых рубежей.* — Тиф указал на съёжившегося илота. — *Атаки на крепость Мармакса зашли в тупик. Их попросту отбили.*

Мышцы примарха напряглись. Отступление и сопутствующие ему понятия были далеки от идеалов, исповедуемых его Гвардией Смерти.

— *Мои приказы были предельно ясны — наступать, и только наступать. До истощения или победы.*

— *Точно,* — снова кивнул Тиф. — *И всё же...* — Он указал на призывника из шабаша, который распростёрся ниц на палубе, моля сохранить ему жизнь. — *Вот этот сбегал с передовой. Он выжил.* — Последнее слово Странник произнёс так, словно это было гнуснейшее оскорбление.

— *Кто удерживает этот бастион?* — Мортарион отмахнулся от своих преторианцев и направился прямо к первому капитану. — *Предсказатели магистра войны уверяли, что в гарнизоне Мармакса присутствуют лишь смертные солдаты.*

Тиф пнул призывника.

— *Отвечай на вопрос своего хозяина!*

— Бойцы! — дрожащий человек не смел оторвать глаз от палубы, слишком напуганный, чтобы

встретиться взглядом с грузными фигурами рядом с ним. — Нельзя победить их, никогда не победить, слишком сильны, слишком своенравны, они не сломаются, не сломаются...

— **Быть того не может**, — отрезал Мортарион. — **Не с таким числом сил, которое я послал.**

— **И всё же...** — повторил Тиф, скривившись.

— **Объясни толком!** — потребовал Мортарион, но призывник мог только бормотать бессвязную чепуху, ибо его нервы были на пределе.

— **Ничего не выйдет**, — проворчал Тиф. — **Ужас сковал его разум. Теперь он мало что сможет рассказать нам о том, что же там произошло.**

— **Разведданные можно получить и другими способами**, — проворчал Мортарион. Примарх протянул руку и схватил мужчину за горло, оторвав его от пола, и возложил пальцы второй руки на выбритую макушку призывника. Прежде, чем его жертва вообще успела запротестовать, Жнец сжал череп с такой силой, что проломил его. Примарх ломал кости аккуратно, но уверено, чтобы не раздавить тонкое серое вещество внутри.

Приговорённый был ещё жив, когда Мортарион вскрыл ему голову серповидным ножом палача, обнажив мясистое тело его мозга. С хирургической ловкостью примарх засунул пальцы внутрь и нашёл гиппокамп^[1] человека глубоко среди скрученной массы извилин. Едва тело рухнуло, Повелитель Смерти одним махом проглотил вырванный кусок мозгового вещества.

Спустя несколько мгновений узел омофагии в груди Мортариона растворил кушанье, и тайные биопроцессы в искусственно созданном органе приступили к разделению химических цепей памяти, пока примарх не почувствовал их своими ноздрями, словно содержимое опустошённой кадилаицы.

Он закрыл глаза и сосредоточился, прислушиваясь к чужим воспоминаниям.

«*Пусть умрёт*, — прозвучал шёпот, — *пусть умрёт*». К удивлению Мортариона, эти слова явились вовсе не из его мыслей, но из мыслей мертвеца. Какая бы сила не говорила с примархом в эти минуты безмолвия, она говорила и с призывником. Возможно, со всеми, кого вообще коснулась Метка Дедушки, рассудил примарх.

Он сосредоточился на том, что ему было нужно, отделив это от пустяков, составлявших большую часть жизни мертвеца.

Затем, окунувшись в смутное воспоминание о нападении на Мармакс, примарх очутился в крошечном пространстве ограниченного тела маленького человека, ощущая отголоски восторга и безумной ярости, призраков презренного ужаса и жажды крови. Рёв пушек, крики атакующих, грохот камней. Мортарион оказался посреди бушующей стихии, словно бы пробираясь сквозь неистовый ливень, но он уже поступал так прежде, а потому знал, на что следует обращать внимание.

Сила поглощённой памяти уже начала ослабевать, так что примарх надавил сильнее. «*Пусть умрёт*», — промолвил шёпот.

На краю воспоминания вспыхнул свет — не физическое озарение, но образное, субъективное. Глазами мертвеца Мортарион узрел момент, заставивший культиста бежать со всех ног.

Линия рядовых солдат стреляла в его сторону, лицо каждого из них светилось упрямым непокорством, а

в одном строю с ними находилась безоружная, практически незаметная, коленопреклонённая женщина. Она говорила.

Но вот о чём? Угасающая память мертвеца не сумела удержать воспоминания об этом, однако уловила нечто жизненно важное — что-то, что покойник мог чувствовать инстинктом, но не выразить словами, словно животное, бессознательно улавливающее запах страха.

Однако Мортарион знал. В прочтённых им запрещённых книгах, в запретных трудах, что он усердно поглощал, в партнёрстве, которое он установил с Дедом, его понимание возросло достаточно, чтобы охватить всю полноту этого знания.

«Знания о колдовстве». Вокруг женщины собиралась эфирная аура света, словно она была призмой, через которую более могущественный пси-одарённый разум передавал ей часть своей силы. Этот невидимый свет коснулся и окружавших её людей, придал им силы и даровал мужество.

Она заинтриговала его. Потенциал, бурливший в её крови, был истинным сокровищем — редким и бесценным. Примарх мог только гадать, какие плоды он сможет принести, ежели вручить его в дар Дедушке.

«Пусть умрёт», — не унимался шёпот.

Воспоминания померкли и рассеялись, и последним из чувств, которые вызвал в душе Мортариона убитый им человек, стало ощущение горячей крови, потоками стекавшей по его рукам.

Жнец моргнул, чтобы вернуться в сознание, и обнаружил, что Тиф выжидающе наблюдает за ним.

— **Просветились, милорд? Ваше любопытство удовлетворено?**

— **Я видел достаточно,** — ответил примарх, отвернувшись. — **Продолжим наступать в том же темпе, как и планировалось.**

Странник остался на месте, не обращая внимания на прозвучавшую в тоне Жнеца отрешённость.

— **Стоит ли? Легион марширует со скоростью самого медленного своего элемента, и на кой? Мы можем быть в Мармаксе несколько часов спустя, но вместо этого продолжаем методично пробираться через руины, пока наши враги перегруппировываются на горизонте.**

Тиф рвался в бой, даже не скрывая, насколько его бесит размеренное продвижение примарха. Он сам и его великая рота давным-давно покинули бы строй и начали собственную атаку, если бы Мортарион не наложил на неё прямой запрет.

— **В урочный час мы обагрим наши клинки,** — с этими словами Мортарион коснулся лезвия своей боевой косы. — **Терпение, Калас. Терпение.**

Использование его старого имени заставило Тифа осклабиться.

— **Наше наступление было бы столь же медлительным, если б я сказал, что наши провидцы заметили агентов Сигиллита в соседних секторах? Странствующие рыцари, милорд. Воины в сером.**

— **С этого тебе и следовало начинать,** — раздражённо перебил его Мортарион. — **Откуда**

взялась эта информация?

— *От гнилодрона*, — ответил Тиф. — **Перед тем, как издохнуть, он запечатлел образ старого дружища. Предателя с «Эйзенштейна».**

«Гарро. — Шёпот подсказал ему имя, и в груди примарха заиграло чувство холодного веселья. — *Если Гарро здесь, значит, он явился за женщиной, облачённой в свет*^[2]. Другой причины тут и быть не может».

Мортарион усмехнулся, сухо и горько. Вот уже несколько дней он ощущал, как тройственная длань Деда ведёт его, направляя к мерцавшей на вершине бастиона робкой ауре, к свету чего-то столь чистого посреди всепожирающего ужаса, что оно сияло, подобно маяку. А теперь пришло известие о присутствии предателя, подтверждавшее то, что примарх знал как единственную истину. Мортарион решил, что такова судьба, что Дедушка самолично форсирует события, дабы воплотить их в жизнь.

На сей раз появилась возможность взять все призы разом. Сокрушить Мармакс, захватить памятный трофей в виде этой женщины, дабы кровь её могла обратиться в воду для садов Нургла — а также избавить Галактику от клятвопреступника Гарро, обрекая его на малую смерть в подчинении или же на грандиозную — в смерти истинной посредством полного уничтожения.

ИНТЕРВАЛ I

Боевой корабль «Стойкость», накануне Исствана

— Какого ответа вы ожидаете от него, милорд? — подчёркнуто безразличным тоном поинтересовался Тифон.

Мортарион обдумывал свой собственный ответ, пока они шли по коридорам его флагмана, а телохранители-преторианцы из Савана Смерти ступали рядом. Встречавшиеся им по дороге бойцы Гвардии Смерти оставались на своих постах или готовились к атаке на планеты системы Исстван.

Сколько из них ощущали важность того, что должно было свершиться — великого потрясения, коему суждено начаться в этих незначительных, ничтожных мирках? Сколько всего было вложено в грандиозные планы Гора Луперкаля по восстанию и перековке Галактики, которой предстояло заняться?

Как только пройдёт час, когда Мортарион отдаст судьбоносный приказ открыть огонь по другим легионам, сколько его сыновей нажмут на спуск? Не по своему собственному намерению, не из понимания, а просто потому, что им *приказали* сделать это?

«*Станут ли они „просто выполнять приказы“, ибо каждый из них — суть инструмент? Или же они всё-таки понимают?»*

Мортарион вздохнул.

— Чего я ожидаю, родич? — Он оглянулся на первого капитана, изобразившего на лице небрежную улыбку. — Я надеюсь отыскать истину.

Лицо Тифона напряглось, и он остановился.

— Но почему он? Есть и другие непоколебимые, верные легионеры, которым не требуется задавать вопросов о послушании. Грульгор, Калгаро, Крозий... и множество других.

— Именно *поэтому* мне и нужно знать мысли Натаниэля Гарро, — ответил примарх, останавливаясь возле овального иллюминатора. — Потому что наш боевой капитан совершенно независим от действий посторонних, а равно и импульсивности. Потому что он отверг членство в давинитских ложах...

— Потому что он терраец, а не дитя Барбаруса? — Тифон склонил голову набок и рассеяно потеревил свою тёмную бороду.

— Поэтому тоже, — кивнул Мортарион. — Гарро пользуется уважением не только в кругу своих людей и капитанов других рот, но и среди воинов наших братских легионов. Позиция Гарро в отношении того, что произойдёт на Исстване, является решающей. Если он согласится на это...

— Да уж, если такой верный воин, как наш «Прямой-как-стрела Гарро», склонится перед восстанием, то кто посмеет оспорить его целесообразность?

— Именно. — Мортарион развернулся, чтобы пойти дальше, но Тифону ещё было что сказать.

— Вы же знаете, что он никогда не выступит против Императора. Гарро ни за что не отвернётся от Трона.

— Возможно. Но я не стану разбрасываться именитыми воинами вроде него без должного рассмотрения вариантов.

— Слишком уж вы любите его, — фыркнул Тифон. — Будь я командующим легиона, дело уже давным-давно бы разрешилось.

Мортарион посмотрел на старого друга из глубины мантии с капюшоном, и в его тоне появилась острота бритвенного лезвия.

— Но ты не глава легиона, Калас. И решать не тебе. Не забывай об этом, если хочешь сохранить своё место капитана моей Первой роты.

Примарх и его первый капитан вновь устремились вперёд.

— Я не хотел проявить неуважение, — тихо произнёс Тифон, — но всё-таки считаю, что нам придётся убрать его. Гарро не обратится.

Наконец, примарх кивнул, неохотно признавая такую возможность.

— Если дойдёт до этого... пускай о нём позаботится этот амбал Грульгор. Но только по моему распоряжению.

Они нашли Гарро среди его людей, и по прибытии примарха боевой капитан и его командное отделение преклонили колени перед своим сюзереном и первым капитаном.

Мортарион приказал легионеру встать.

— Натаниэль, поднимись, пожалуйста. Становится утомительно всё время смотреть на моих людей

сверху вниз.

Слабый намёк на сомнение и неуверенность мелькнул в глазах воина, когда он встал — и всё же, к чести своей, боевой капитан не вздрогнул под пытливым, оценивающим взором своего генетического отца и господина.

На лице Мортариона появилась лёгкая улыбка.

— Тифон, тебе следует держаться начеку. Этот воин когда-нибудь может занять твоё место.

Всё ещё расстроенный недавним порицанием от своего примарха, Тифон ничего не сказал, оставаясь таким же молчаливым, как и безмолвный Саван Смерти.

— Господин, — заговорил Гарро, — что может сделать для вас Седьмая рота?

— Её капитан может выйти вперёд, Гарро, — ответил Мортарион. — Он заслужил награду.

На мгновение лицо боевого капитана наполнилось выражением замешательства.

— Сир, я не заслуживаю особого...

Тифон вмешался прежде, чем Гарро успел закончить мысль.

— Неужели ты собираешься отказаться, капитан? Ложная скромность не украшает воина.

— Я простой слуга Императора, — возразил Гарро. — Мне достаточно этой чести.

Мортарион чувствовал на себе взгляд Тифона и произнесённые им слова. *«Видите? Гарро ни за что не отвернётся от Трона».*

Жнец отбросил эту мысль и поманил к себе притаившегося поблизости легионного сервитора. Пока тот шёл вперёд, держа уставленный кубками и графинами поднос, примарх снова обратился к Гарро.

— Тогда, Натаниэль, быть может, ты окажешь мне честь и выпьешь со мной?

Мужчины с Барбаруса называли это действие Ритуалом Чаш — впрочем, в действительности оно вовсе не было чем-то столь же архаичным и строго регламентированным, как настоящий ритуал. Всего лишь жест, общий для воителей Гвардии Смерти, скромный способ отпраздновать тостом свою неукротимую натуру и победы XIV легиона, одержанные во имя Согласия.

Репутация сыновей Мортариона основывалась на их непоколебимой силе и несокрушимой выносливости — более того, она опережала их, обещая, что ни одно препятствие, никакие токсины и никакой яд не смогут остановить легион на его пути. Эта истина родилась в смертоносных туманах приёмного родного мира Мортариона и распространилась по всем уголкам Галактики, где вела свои кампании Гвардия Смерти, по мирам настолько враждебным и ядовитым, что ни один другой легион не посмел бы иметь с ними дело.

Распитием содержимого кубков они ещё раз доказывали эту истину. В качестве наследия традиции, которую сам примарх начал ещё на Барбарусе, после каждого своего участия в сражении Мортарион лично избирал отличившихся воинов и разделял с ними выпивку.

Но не эль, не вино и не амасек. Содержимым чаш всегда были яды.

Сервитор закончил смешивать химикаты и разлил смертоносный отвар по трём простым металлическим

кубкам. Мортарион взял первый себе, второй протянул Тифону, а третий — вложил в открытую ладонь Гарро. Боевой капитан с сомнением изучал жидкую смесь, улавливая молекулярный запах коктейля из токсинов.

— Против смерти, — изрёк свой тост примарх, поднимая кубок. Он осушил его до дна единственным молодецким глотком. Ядовитое пламя влилось в тело Мортариона, и он наслаждался приливом крови, когда отравляющая боролась с его усиленной физиологией. Это заставляло его чувствовать себя *живым*.

Тифон последовал его примеру, по обыкновению не отличаясь сдержанностью, но даже он не мог пить настолько же быстро, как Мортарион. Затем Гарро осторожно повторил тост и сделал настолько глубокий глоток, насколько мог осмелиться. На мгновение лицо боевого капитана побагровело, и примарх подумал, не зашёл ли он с этим делом слишком далеко; но Гарро держался, преодолевая реакцию своей плоти со всей *выносливостью*, на которую только был способен Гвардеец Смерти.

Мортарион не смог удержаться от холодной улыбки, довольный проявлением его силы духа.

— Редкий и прекрасный напиток, ты не находишь?

Пылающее внутри пламя токсинов временно лишило Гарро возможности говорить, и он только кивнул в ответ. Примарх положил руку на спину легионера.

— Пойдём, Натаниэль, — сказал он, отпуская остальных кивком головы. — Давай проветримся.

Они остановились на балконе, расположенном над одним из вместительных погрузочных отсеков «Стойкости», где несколько рот Гвардии Смерти готовились к высадке на Исстван. Мортарион мрачно изучал их, своих сыновей, обречённых на жертву, о которой они и не догадывались. Хотя их смерть была прискорбной ценой за грядущее восстание, Мортарион не считал её дешёвой.

То, что собирался совершить Жнец, навсегда изменит ход будущего для его легиона. Старые клятвы, принесённые и отмеченные, будут разорваны безо всякой возможности восстановления. *«Некоторые назовут нас предателями, — рассуждал он, — и эти обвинения будут справедливы».*

Он окинул взглядом Гарро, размышляя о том, что сказал бы боевой капитан, открой ему примарх всю правду. Как бы он отреагировал на известие о расколе, порождённом рукою Гора?

— Натаниэль, тебя в легионе уважают, — заметил Мортарион. — Ни один из капитанов не может не признать твоё мастерство в бою... Даже командор Грульгор, хоть и делает это весьма неохотно. — Гарро нехотя принял слова похвалы, пока его сюзерен продолжал. — Люди тебе доверяют. Они ищут в тебе силу духа и способность вести за собой, и ты даёшь им всё это.

Дискомфорт Гарро стал ещё ощутимее.

— Я выполняю лишь то, что приказывает мне Император, сир, — произнёс он через мгновение.

«Ну разумеется». И снова Мортарион ощутил фантом Тифонова предупреждения в своих мыслях.

— Для меня очень важно единство цели в рядах моего легиона, — напирал примарх, — точно так же, как и моему брату Гору важно обеспечить единство среди всех Легионес Астартес, — Мортарион осторожно прощупывал Натаниэля в стремлении отыскать хоть какую-то вероятность, что в решающий момент Гарро поставит легион выше Трона. — Гвардия Смерти должна быть единой. У нас должна быть одна общая цель, иначе мы проиграем.

«Подтверди свою верность мне». Мортарион смотрел Гарро в глаза, мечтая, чтобы тот принёс свою клятву верности заново. Но слова, которые он желал услышать, так и остались невысказанными.

Возможно, Тифон был прав, возможно, примарх предоставил боевому капитану большую свободу действий, чем тот заслуживал. И всё же Гарро олицетворял собой то, что Мортарион отчаянно стремился удержать в рядах Гвардии Смерти вне зависимости от того, под чьим знаменем они пойдут.

«Честь». Простое качество по сути своей, но многим было непросто его сохранить.

Он задал вопрос о давинитских ложах, и в ответ Мортарион, наконец, увидел, что в боевом капитане не найти того, на что он так надеялся.

— Наш путь определяет Повелитель Человечества, — сказал Гарро. — Он повелел нам собрать утраченные фрагменты человеческой расы под крылом Империи, просветить заблудших, наказать павших и уничтожить агрессоров. Мы можем выполнить его приказ только в том случае, если правда на нашей стороне. Если мы будем действовать открыто, в лучах истины, тогда, не сомневаюсь, мы в конце концов изгоним ложных идолов. Но мы не сможем проповедовать светские истины, если хотя бы часть из них скрыта, даже малая часть. Только Император может указать нам путь вперёд.

«Гарро не обратится». Голос Тифона звучал в голове Мортариона столь же ясно, как если бы первый капитан стоял рядом с ним. *«Нам придётся убить его».*

«Быть по сему». Примарх сделал свой выбор, и скрыл его за кивком согласия.

— Спасибо за откровенность, боевой капитан. Я ничего другого и не ожидал.

Гарро кивнул, полагая, что в этот момент его удостоили почёта, и даже не подозревая, что его слова станут ему смертным приговором.

«Я буду держать его рядом, — решил Мортарион, — и вместе с тем узнаю лица всех и каждого среди остальных моих сыновей, разделяющих его чувства. И когда наступит время...

...Натаниэль Гарро умрёт за своего Императора».

ГЛАВА 3

Долг и любовь

Предупреждение об атаке

Хелбрут

Пускай технически он и классифицировался как один из уровней бастиона Мармакс, было бы ошибкой называть уровень Дилекцио «этажом» конкретного здания, как если бы это был верхний этаж какого-то обычного жилого строения. Решись кто-нибудь нанести чертежи яруса на сетку Дворцового города под ним, Дилекцио охватил бы несколько столичных кварталов. Он мог похвастаться независимым энергетическим ядром, куполом с посадочной площадкой, оперативным центром и десятками казарменных квадрантов — хотя на данный момент многие из них пустовали, поскольку ввиду беспрестанных атак население изрядно сократилось.

Таким образом Эуфратия, получившая покои от капитана Костагар, располагала достаточным количеством свободного пространства, чтобы считать его своим собственным, персональным уголком. Комнаты Киилер располагались за пределами главного коридора уровня Дилекцио; Эуфратия упомянула, что пока она находится там, солдатам Ауксии будет проще прийти и найти её, если им захочется поговорить.

Гарро огляделся по сторонам, оценивая окружающее пространство, низкий потолок и тяжёлые каменные стены. Тут и там горели электросвечи, отбрасывая тёплый свет; в одном углу легионер заметил лежавшую в открытом ящике пачку переплетённых страниц, напечатанных знакомыми малиновыми чернилами. Его собственная копия Лектицио Дивинитатус, завещанная Гарро давным-давно умершим денщиком Калемом, была туго свёрнута в одном из закреплённых на его броне мешочков. В течение какого-то времени он даже не задумывался об этом.

Напротив гамака расположились несколько простых стульев, стоявших вокруг импровизированного стола из очередного складского ящика. На нём красовался потрёпанный старый автосамовар, с помощью которого можно было приготовить чёрный чай на полсотни человек. Покои Киилер были не просто тем местом, где она могла помолиться, но чем-то гораздо большим.

— Выглядит знакомо, — заметил Гарро, обводя жестом руки окружающее пространство. — Другое место, тот же сценарий. Неужели нам с тобой суждено повторить те же события? Быть может, это воля Императора воздействует на наш жизненный путь и направляет нас по одним и тем же кругам?

Эуфратия покачала головой.

— Это совсем не то же самое, что было в часовне на Гесперидах.

В прошлом Киилер активно распространяла благую весть о божественности Императора в тайной церкви, расположенной на борту орбитальной платформы «Гесперида» в небесах Терры. Она выполняла свою миссию с таким рвением, что стала мишенью для посланного самим магистром войны проклятого ассасина. Гарро прикончил этого человека прежде, чем тот сумел добиться успеха, но и по сей день легионер чувствовал, что в тот раз он недостаточно хорошо защитил Киилер.

— Здесь я не проповедую, — продолжала она. — Даже не читаю... — женщина кивнула в сторону бумаг в ящике, не закончив мысль. — Мне достаточно просто... Просто *быть* здесь.

Гарро нахмурился и вздохнул, почувствовав внезапную усталость, словно нёс на себе всю тяжесть мира.

— Что же ты делаешь, Эуфратия?

Киилер слабо улыбнулась.

— Всё, что смогу, Натаниэль.

Гарро нахмурился.

— Брось эту бойкость, она тебе не идёт.

Киилер рассмеялась.

— Если ты в это веришь — то, возможно, знаешь меня не так хорошо, как думаешь, она подошла к гамаку, где лежал её старый помятый пиктер, и взяла его в руки. — Когда-то я обрела известность благодаря ему.

Гарро проигнорировал её попытку уклониться от темы разговора.

— Когда мы встречались в последний раз, я умолял тебя покинуть Терру, но ты настояла на том, чтобы остаться. Если бы ты последовала моему совету, сейчас была бы уже во многих световых годах отсюда.

— И в *безопасности*? Ты это хотел сказать? — Киилер покачала головой. — Как думаешь, хоть где-нибудь в Галактике будет безопасно, пока всё это не закончится? И даже в том случае, если магистр войны будет побеждён?

— Гор *умрёт*, — настаивал Гарро. — А итератор Зиндерманн... Он мог бы остаться здесь вместо тебя.

— У Кирилла своя работа, — возразила Эуфратия. — Его путь никогда не основывался на моём выборе за него.

Гарро неторопливо подошёл к ящику и извлёк потрёпанный экземпляр «Лектицио Дивинитатус».

— К слову об этом... Ему нужен свет, голос, способный вести его. Мы оба знаем, что происходит, когда рядом нет никого, кто удерживает искателей на пути истинном. А ты — ты сама — и есть этот свет, Эуфратия. Если ты пойдёшь навстречу опасности, то поставишь это под угрозу!

— Ошибаешься, — парировала она. — Я поддерживаю Слово Императора живым единственным доступным мне способом!

— Рискаю своей жизнью понапрасну?! — голос Гарро прозвучал на повышенных тонах, и он спохватился прежде, чем тот сорвался бы на крик.

В ответе Киилер не было и следа обиды.

— Так вот почему ты здесь, старый друг? Повторить то, что *я говорила прежде*? Тебя это не тронет.

Гарро уставился на страницы книги. Разочарование, чувство долга и добрый десяток иных эмоций боролись внутри него. Он перелистывал страницу за страницей, ненадолго растворяясь в этом действе, и тишина между собеседниками затянулась.

Когда легионер заговорил вновь, он избрал другую тактику.

— Ты помнишь о галерее, которую продемонстрировала мне в тот день на борту Гесперид?

Киилер кивнула, не выпуская из рук пиктер. В тот раз, оставшись наедине с Натаниэлем, она представила его взору образы, каждый из которых был связан с возможным будущим, в котором она погибает. Вариантов было бесчисленное множество, но лишь в одном Киилер оставалась в живых — в том, где её защищал сам Гарро.

Эуфратия указала в сторону коридора.

— Отсюда, с зубчатых стен, виден Византийский минарет. — Гарро вспомнил что стройная башня служила сценой для одного из образов смерти, в котором Киилер встречала смерть от меча. — Ну, — поправились она, — во всяком случае, то, что от неё осталось.

— Я знаю, — отозвался Гарро. — Я был там, когда башня была разрушена. Признаюсь, я испытал облегчение, когда увидел, что минарет рухнул. Его падение символизировало то, что на одну несчастную судьбу будет меньше.

— Я имела в виду именно то, что сказала, — заметила она. Сигиллит взял клятву с меня, Кирилла и всех остальных. Мы не можем проповедывать... Поэтому я нашла иной способ помочь. Это и к лучшему.

Гарро изучал свою собеседницу, подмечая минимальные изменения в выражении лица и едва уловимые намёки, которые мог заметить только постчеловек.

— При мне ты можешь не сдерживаться, — мягко сказал он исполненным предельной честности голосом. — Я знаю, что ты имеешь в виду именно то, что говоришь, но я вижу в тебе сомнение. — Киилер открыла рот, желая возразить, но Гарро поднял руку в предупреждающем жесте, чтобы закончить свою мысль. — Я знаю это, потому что испытывал точно такую же неуверенность. И ты помогла мне избавиться от неё.

— Я отказалась прятаться в подземельях Чернокаменной, — сказала Эуфратия бывшему Гвардейцу Смерти. — Да, у меня остались сомнения, но я знала, что могу сделать больше в этом мире. Чувствовала это всеми своими костями. Я не могла больше сидеть в стороне, пока бушует осада, и ты поступил бы точно так же.

— И всё же ты всё ещё не уверена в том, что лежит в конце твоего пути.

Киилер взглянула на Гарро.

— Когда это ты успел стать таким проницательным, боевой капитан?

— Таким уж меня создали, — признался он.

Киилер вздохнула.

— Если я скажу, что здесь, посреди всего этого безумия, сражений и кровопролития, я обрела покой — это прозвучит странно? — Она покачала головой. — Не отвечай. Но, скажу тебе, прогулки по коридорам, разговоры с солдатами, стоящими в строю... Я поймала себя на мысли о том, что исследую свои собственные вопросы о природе Бога-Императора, а также вопросы этих бойцов. При этом они черпают во мне своё вдохновение. Я не хотела, чтобы всё произошло именно так, но если меньшее число солдат умрёт, услышав мой голос, если я дарую им что-то вроде веры, за которую можно держаться... Как это может быть плохо?

— Ты бы не задавала такой вопрос, если бы испытывала уверенность в ответе.

— Нет. Пожалуй, нет. — Киилер отвела взгляд и посмотрела в сторону. — И в этом есть ирония, тебе не кажется? Наши с тобой роли поменялись, Натаниэль. Когда-то именно ты был тем, кто искал руководства, а теперь его ищу я.

— Если это так, позволь мне просветить тебя. — Он отложил буклет в сторону и подошёл к ней. В свете свечи она казалась такой маленькой и хрупкой, но Гарро знал, что внешность её обманчива. Эуфратия Киилер обладала колоссальным запасом внутренней силы, куда большим, чем многие из воинов схожего с Гарро опыта. — Подумай о добре, которое ты можешь сделать, о вдохновении, которое ты можешь дать, если только найдёшь в себе силы жить дальше сегодняшнего дня, вне досягаемости этой проклятой ереси, — Гарро протянул руку и взял её ладонь, обхватив пальцы женщины своей увесистой керамитовой перчаткой. — Опасность, которой ты подвергаешь себя в стенах этой цитадели... чересчур велика. В случае любой иной души я бы решил, что подобный поступок продиктован желанием умереть! Ты слишком важна, чтобы рисковать собой в таком маленьком и несущественном сражении, как это, ради жизней Костагар и её многочисленных бойцов. Наша добрая капитан сказала бы то же самое, если бы

ты только спросила её.

— Нет... — Киилер покачала головой и вырвала свою руку из его хватки. — Как ты вообще можешь говорить мне о таких вещах? — В её глазах вспыхнуло новое пламя. — Ни одно из этих сражений нельзя считать «несущественным». Ты не должен быть настолько заикленным на каком-то идеализированном пути к судьбе, чтобы терять из виду то, за что борешься! Именно из-за такой вот близорукости и родился весь этот кровавый мятеж! — Она возложила руку с растопыренными пальцами на нагрудник боевой кирасы Гарро. — Что до того, как выглядят со стороны мои действия? Они не для Бога-Императора, не для Его сыновей-примархов, и даже не для ваших братских легионов. Всё это ради простых людей Империи, во имя тех, кому есть, что терять! Для людей вроде Маэд и её солдат. Скажи мне, что ты всё ещё видишь это, Натаниэль. *Прошу тебя.*

Гарро молчал, тщательно взвешивая слова перед ответом.

— Я... вижу это, — и всё же на миг он не сумел увидеть. Было не так уж и сложно утратить чувство перспективы в войне настолько масштабной, что она заставила полыхать всю Галактику. — В твоих словах есть истина, — продолжал он, — но никогда не забывай, что я на тебя не похож. Я воин Легионес Астартес, и был обучен внушать страх и трепет. Моя порода не способна породить то, что делаешь ты. Веру. Любовь. — Гарро покачал головой. — Оратор, святая... вдохновитель. А вот легионер, в конечном итоге — это существо, ведомое одним лишь воинским долгом... И мой долг — сохранить твою жизнь любой ценой.

— Даже если это против моей воли?

— Даже если и так, — грустно улыбнулся Гарро. — Однажды ты сказала мне, что я спасу тебя, Эуфратия. Пожалуйста, позволь мне сделать это.

— Так и будет, — твёрдо сказала она. — Ещё не время, но вскоре. Очень скоро.

Гарро уже было приготовился задать ещё один вопрос, но прежде, чем он успел произнести хоть слово, по коридорам пронёсся вой сигнала тревоги.

— Предупреждение об атаке, — заметила Киилер. — Еретики вернулись.

— Трон и кровь. — На глазах у Хелига Галлора лицо капитана Костагар окрасилось белизной, пока она наблюдала через монокуляр за армией фигур среди надвигающейся массы дыма. — Как их много... Всех не пересчитать.

Галлор с суровым видом кивнул.

— Они ускорили темп. Основные силы наступающей Гвардии Смерти выйдут на расстояние атаки в течение часа. Гарантирую, что их авангард будет здесь через несколько минут.

Костагар нахмурилась.

— Я не вижу титанов. Ожидалась бомбардировка...

— Не таков путь Гвардии Смерти, — заметил легионер. — Боевые машины сдержат до тех пор, пока не потребуется всепокрушающий обстрел. Грядущие атаки будут действиями на истощение, бои на ближней дистанции окажутся исключительно жестокими. Они захотят увидеть ваши лица, когда вы будете умирать, — Галлор отважился подойти к краю зубцов на стене и посмотреть вниз. Посреди дымки

двигались фигуры, но он не сумел разобрать ничего, за исключением расплывчатых форм. — Самое время запросить подкрепление, капитан.

Костагар встретила его слова потрясённым взглядом и недоверчивым смехом.

— Ты новичок в этой битве, не так ли, легионер? Мы *и были* этим самым подкреплением. Больше никто не придёт. — Она махнула рукой в сторону других отдалённых бастионов, выстроившихся за Мармаксом и исчезавших в дальних просторах. — Каждая из этих крепостей — отдельный островок, а мы — всё, что осталось от населения конкретно этого клочка земли, — капитан вновь подняла монокуляр, изучая позиции неприятеля.

— Тогда — при всём уважении — возможно, пробил час отступать. — Галлор проверил свой болтер, его нервы покалывало в предвкушении неминуемой агрессии.

Как бывший воин XIV легиона, он знал наизусть тактические доктрины Гвардии Смерти. Первоначальные пробные атаки завершились, и следующим действием должна была стать разведка боем. После этого наступало то, что сыновья Барбаруса именовали *маршем* — методичное, неумолимое продвижение несущей смерть пехоты, которая наступала, преодолевая любое сопротивление и жестоко перемалывая его своей поступью.

— Мне было приказано держаться, — отозвалась Костагар, цепляясь за оставшееся в ней неповиновение. — И я буду продолжать, пока... Пока... — она запнулась, увидев что-то через монокуляр. Выражение её лица снова сменилось в сторону презрительного страха и холодного отвращения. — Что, во имя клинков, это такое?!

Ужас пронизывал каждое произнесённое ею слово.

Костагар указала на боевую барку, двигавшуюся над заваленными бульварами Дворцового города, вдали от основных сил Гвардии Смерти. На проржавевшем медно-зелёном носу машины среди облака клубящихся, кружащихся чёрных пылинок виднелись фигуры. Одна из них была высокой, теряющейся в тени тёмного плаща, другая — неуклюжей и раздутой. Обоих окружала аура ужасающей угрозы.

Галлору не нужно было видеть их изуродованные лица. Он и так знал имена этой парочки.

— Он здесь, — произнёс легионер, но его слова были обращены не к Маэд Костагар, а к подошедшему сзади Гарро. — Мортарион явился. И Тифон вместе с ним.

— Говорят, что теперь он называет себя *Тифом*, — заметил Гарро, подходя к боевому товарищу. — Он всегда был... искажённым внутри. Теперь его внешний облик отражает его истинную природу.

Костагар уронила монокуляр.

— Это... это примарх. Один из изменённых.

— Точно, — отозвался Галлор.

Капитан кивнула, изучая камни у своих ног. С её лица стекал пот, и Галлор нахмурился. Он уже видел подобную реакцию у простых людей прежде — шоковый эффект от встречи с пост-человеком, от внезапного осознания того, что в действительности представляют собой сыновья Императора и на что они способны.

Но на сей раз источник страха был ещё хуже, ибо то, что Костагар увидела там, вдалеке, представляло

собой испорченную версию былого искусственно сотворённого полубога, превращённого в нечто чудовищное. Нечто *демоническое*.

— После надлежащего рассмотрения, — промолвила капитан, — я решила пересмотреть отданные мне приказы...

Жар, подобный сердцу звезды, испарил женщину прежде, чем она успела закончить мысль. Повинуясь своим сверхъестественно быстрым рефлексам, Галлор и Гарро вовремя успели отпрыгнуть в сторону, когда в стену с визгом влетел залп солнечного пламени вражеской плазменной пушки.

Но Маэд Костагар так и не увидела приближения своей смерти. Плазменный взрыв выгрыз из покрытой зубцами стены каменную полусферу, превратив ферробетонные блоки в кислотный пар и раскалив соседние до состояния хрупкого шлака. Повсюду, где находилось хоть что-то, способное гореть, вспыхнули пожары, и солдаты возопили, когда их форма загорелась, а панцирная броня потекла, как воск.

Слабое утешение заключалось в том, что Костагар не почувствовала никакой боли, скорее всего, даже не осознав, что умирает — неистовая мощь плазменного взрыва разнесла её на атомы быстрее, чем нервные окончания женщины сумели отреагировать на это. Но теперь хороший солдат был мёртв, и её люди пребывали в смятении.

Галлор метнулся обратно к кипящему жару разбитых зубчатых стен и узрел массивную, раздутую фигуру убийцы капитана, возвышающуюся перед ордой вопящих Отбросов.

Внешне он напоминал почтенный дредноут легиона, но только в самых общих чертах. Опухший и чрезмерно массивный, двуногий мутант являл собой сплав проржавевшей брони и выпирающей пепельной кожи. Толстые складки болезненной, смрадной плоти торчали из-за краёв поеденного ржой металла, словно тяжёлые пластины еле удерживали органическую часть внутри скафандра от того, чтобы выплеснуться наружу.

Одна из рук звероподобного страшилища представляла собой увесистую плазменную пушку, что разнесла Костагар на атомы; из вентиляционных отверстий вдоль всей длины светящегося ствола с визгом вырывались струи перегретого пара. Там, где должна была находиться другая рука, торчал извивающийся пучок покрытых слизью щупалец, каждое толщиной с человеческий торс. Некоторые из них хватались за наклонную сторону внешней стены бастиона, позволяя твари медленно подниматься вверх, в то время как другие хлестали воздух, обнажая клыкастые пасти на концах.

Головы у жуткого исполина не было — лишь зияющая рваная дыра посреди груди, там, где верёвки гниющего эпидермиса были ободраны и прибиты в одном месте. Внутри дыры виднелось лицо, состоящее из десятков обезумевших, слезящихся глаз, которые вращались во все стороны, обнажая желтушные белки над трясущейся челюстью скелета, которая то и дело открывалась и закрывалась, будто капкан на людей.

— *Хелбрут*, — процедил Гарро, скривившись от отвращения. — Повелитель Смерти послал одну из своих проклятых тварей, чтобы умертвить нас.

— Так просто его не возьмёшь, — заметил Галлор, когда нечто устремилось вверх по крутому склону крепости, в своём рвении разбрасывая во все стороны оказавшихся под ногами Отбросов.

— Но убить его *всё же можно*, — отчеканил Гарро. Он поднял своё оружие — образцовую модель болтера «Парагон» искусной работы — и выстрелил в шкуру хелбрута. Свистящий ритм болтерных

снарядов «Кракен» прорезал воздух, и Галлор тоже выхватил свой пистолет, выпустив очередь в направлении монструозного тела.

На броне хелбрута вспыхнули оранжевые искры, но он и не подумал замедлить свой набор высоты. Оба легионера знали, что они не вправе позволить мерзости достичь уровня Дилекцио: в коридорах крепости тварь истребит всё, что движется.

Галлор отыскал первого попавшегося солдата Армии, который всё ещё демонстрировал некоторую степень ясности разума, и указал на вражеский строй.

— Костагар мертва, теперь командуешь ты. Собери людей, сосредоточьте огонь на Отбросах.

— Н-но как же эта... эта *тварь*?! — глаза молодого парня расширились от ужаса.

— Тварь — наша забота, — прямо сказал Галлор. — Делай, как я говорю. Мы отомстим за твоего капитана, ясно?

— Ясно, — солдат скривился, принимая своё бремя, и Галлор отвернулся.

Гарро протянул товарищу магнитный диск, прикреплённый к отрезку прочного полимерного кабеля. Трос тянулся к катушке, встроенной в каменную кладку зубчатой стены, и второй легионер уже закрепил ещё одну к точке привязи на своём ранце.

— Готов прогуляться, Хелиг?

Галлор принял диск и сосредоточился на себе. Подобные устройства нередко применялись в условиях нулевой гравитации, чтобы не дать бойцам улететь в пустоту. Здесь же тросы позволяли легионерам спускаться по крутым уступам бастиона Мармакс, не опасаясь разбиться насмерть.

— Только стрелковое оружие, — добавил Гарро. — Мы не можем позволить себе рисковать, используя клинки... Один необдуманный взмах мечом перережет наши тросы, а у меня нет ни малейшего желания лететь навстречу земле вниз.

Ещё один плазменный шар пронёсся мимо, охватив стены пламенем, и Галлор ударил бронированным кулаком по наплечнику Гарро.

— Пошли, сейчас же!

Оружие хелбрута отличалось несравненной мощью, однако оно довольно сильно нагревалось, а процесс перезарядки был долгим. В промежутке между выстрелами два Странствующих Рыцаря перемахнули через край укрепления, взметнув сноп искр, когда каблуки их керамитовых сапог и кончики пальцев латных перчаток вошли в стену, чтобы замедлить спуск.

Галлор почувствовал, как гудящий трос натянулся за его спиной. Снова подняв пистолет, он обстрелял туловище хелбрута, целясь по главному кластеру.

Вокруг легионера смертоносным дождём обрушивались вниз полосы лазерного огня, когда выстроившиеся в линию солдаты открыли огонь по несущим свою тарабарщину Отбросам. Хелбрут качнулся назад и издал пронзительный вопль, выдыхая яд, от которого сворачивался сам окружающий воздух.

Опасно свисая над головокружительным обрывом, легионеры продолжали обстреливать тварь

болтерными снарядами, но чудовище вскинуло щупальца, желая прикрыть туловище толстой массой жирной плоти. Удары вырывали из его отростков целые куски шипящего мяса, оставляя зияющие раны, из которых сочился белёсый гной, но обстрел не слишком-то замедлял продвижение монстра.

Гарро дёрнул трос, отпрыгнул и пролетел по широкой дуге, когда хелбрут выпустил ещё один визжащий плазменный разряд. На сей раз раскалённый шар полоснул по горизонтали вдоль каменной кладки бастиона, прорезав в оуслитовой облицовке почерневшую борозду. По другую сторону склона затвор пистолета Галлора издал щелчок — последний патрон в магазине оказался израсходован. Легионер раздражённо оскалил зубы, вгоняя свежий боезапас на место. Хелбрут поглощал каждый удар, который Странствующие Рыцари наносили ему, и не сбавлял своего темпа. Стрелковым оружием его было не остановить. Требовался более радикальный подход.

Галлор вложил пистолет обратно в кобуру и выхватил боевой клинок, повертев его в кулаке. Гарро увидел свет, вспыхнувший на мономолекулярном лезвии оружия, и крикнул:

— Ты что творишь? Я же сказал, никаких клинков...

— Да знаю я, что ты там сказал, — огрызнулся Галлор. — Прикрой меня, — он размахнулся клинком в обратную сторону и перерезал свою привязь. Гравитация моментально схватила воина, и он камнем устремился вниз, выбрасывая снопы искр, пока его доспех царапал поверхность внешней стены крепости.

— Дурачье! — Галлор услышал, как Гарро выкрикнул это слово ему в спину, но боевой капитан всё же выполнил обращённую к нему просьбу, поддержав товарища шквальным огнём.

В последнюю секунду Галлор подпрыгнул и устремился прямо на хелбрута. Он буквально влетел в гнусную тварь с клинком наперевес, раз за разом яростно вонзая его в обнажённую плоть.

Чудовище завизжало и качнулось назад, но его метровой длины железные когти на концах глубоко вонзившихся в камень псевдоподий, не позволили ему упасть. Галлор отрубил кончики хлеставших по спине щупалец, посылая потоки зловонной крови на нижние ярусы. Он срезал целые куски землистого рыхлого мяса и отбрасывал их прочь. Хелбрут корчился, пытаясь стряхнуть врага — но не преуспел в своём начинании, и тогда монстр ударил легионера массивным стволом плазменной пушки.

Галлор заметил, как в предпусковой камере орудия нарастает яркость шара сияющего света, и воздух вокруг него содрогнулся в жарком тумане — но затем новые выстрелы из «Парагона» Гарро разорвали дымящиеся трубы с охлаждающей жидкостью и питающие пушку механизмы.

Хелбрут произвёл преждевременный выстрел из плазменного орудия. Катастрофическая осечка разорвала дуло орудия, разбросав повсюду осколки костей и обожжённого стекла. Галлор прижался к крепостной стене, пытаясь уклониться от огня, но даже остаточная сила взрыва испарила целые клочья внешней оболочки его боевого облачения. Пламя обнажило мышечные волокна и силовые системы брони, поджарив плоть воина внутри.

Разъярённый ранением хелбрут хлестал своими извивающимися придатками вокруг легионера, не желая просто так отпускать его. Пасть монстра раскрылась в воющем крике, и сломанный конец плазменной пушки обрушился на грудь воина.

Сияющий ослепительно-белым разбитый ствол бесполезного теперь оружия всё ещё оставался достаточно горячим, чтобы расплавить керамику и с потрескивающим шипением вогнать металл сквозь слои нагрудника Галлора в его плоть.

Легионер закричал в агонии, когда целые системы его боевого облачения отключились, и адский жар окутал его, заставляя кровь вскипеть в жилах. В отличие от несчастной Костагар, Галлору выпала незавидная доля прочувствовать каждое мгновение своей обжигающей кончины.

Легионер смутно осознавал, что Гарро зовёт его, но вопли из сломанной пасти хелбрута заглушали слова товарища.

«Если мне суждено погибнуть — эту мерзость я заберу с собой». Галлор вслепую схватился за связку рифлёных цилиндров у себя на поясе и крепко сжал их своими пальцами.

Хелиг выдернул предохранительные чеки крак-гранат и с диким воплем забросил их прямо в зёв хелбрута.

Омерзительное нечто ослабило хватку, отчаянно пытаясь вытащить гранаты из того места, где они застряли. К ужасу Галлора, его собственная броня теперь реагировала на движения рывками, работая с постоянными сбоями, когда он начал скользить к краю обрыва.

Внезапно мимо Хелига пронеслась увесистая фигура, висевшая на конце извивающегося троса, и Галлор вдруг понял, что летит к стенам крепости, а не к её подножию. Гарро удерживал своего товарища в железной хватке, не давая ему упасть.

Позади них в раскате грома взорвались крак-гранаты, и хелбрут разлетелся на куски, обрушив на когорту Отбросов пепел и пламя. Ядовитые струи едкой крови испарялись в свете, падавшем с величественных укреплений далеко наверху, и в последовавшей за гибелью мерзости тишине Галлор слышал аплодисменты солдат Костагар и скрип натянутого кабеля. Из-за сплавившихся соединений брони он едва мог двигаться, так что легионеру оставалось только напрячься, чтобы противостоять шторму боли в своей плоти, пока его биоимплантаты боролись с внутренними повреждениями.

— Ну и дурачье же ты, — повторил Гарро, меняя позу, чтобы принять на себя вес Галлора. Перебирая руками по тросу, он начал неторопливый процесс подъёма обратно наверх по склону к уровню Дилекцио.
— Это едва не убило тебя.

— Едва, — признал Галлор, выдыхая слова, пока его тело погружало своего владельца в исцеляющий транс. — Быть может, следующий посланец нашего генетического отца... окажется более крепким орешком.

ГЛАВА 4

Воссоединение Гарро и Киилер.

Судьба, которую мы выбираем

Нет пути назад

Противостояние

Очередная пустая казарма в сердце уровня Дилекцио превратилась в импровизированное помещение для восстановления, и Грефф — солдат, которого Галлор без промедления повесил до командующего силами защитников — предоставил для нужд Странствующих Рыцарей медицинского сервитора.

Некоторое время Гарро стоял на страже возле убогой койки, на которой молча лежал его собрат по оружию. Пошатываясь из стороны в сторону, илот подошёл ближе, используя манипулятор для впрыскивания препаратов и антигенов в шею Галлора — впрочем, по правде сказать, его помощь почти что не требовалась. Несмотря на ужасные плазменные ожоги, которые получил легионер, он оставался более чем способен полностью исцелить себя при наличии достаточного на это времени.

Однако этой ценностью не располагал ни один из защитников бастиона Мармакс. Каждую минуту залпы лазерных зарядов били по флангам крепости, посылая сокрушительные удары сквозь плотную каменную массу. С потолка наверху стекали струйки пыли и падали обломки, свидетельствующие об использовании Гвардией Смерти дальнобойного вооружения, которое загнало уцелевших защитников в укрытия или же истребило их.

Мортарион мог бы отдать приказ, и находившиеся под его командованием макропушки и ядерные установки в один миг стёрли бы Мармакс с лица земли, если бы их повелитель пожелал того, однако он избрал иную тактику действий. Захватчики обстреливали Дилекцию в стремлении удержать солдат на месте, пока готовилась настоящая атака.

Иных вариантов действий, кроме как ждать, больше не оставалось, так что Гарро занялся чисткой и перезарядкой своего болтера «Парагон», но тут Галлор внезапно пробудился, дёрнувшись достаточно резко, чтобы свалить сервитора с его железных ног.

Повреждённые лицевые мышцы молодого воина на мгновение скривились от шока, когда он посмотрел вниз, на полурасплавленные останки собственной боевой брони.

— Мой доспех... — выговорил Галлор сухим, словно дрова для растопки, голосом.

— Почти что превратился в твой собственный гроб, — пояснил Гарро, передавая ему флягу с водой. — К сожалению, повреждения оказались настолько велики, что мы не в силах починить его полностью — во всяком случае, не в этом месте и не с имеющимися здесь инструментами, — Галлор взял фляжку и опустошил её целиком, а Гарро продолжил. — Плазма повредила суставы, разрушила электронные схемы.

Лазеры ударили снова, и Галлор склонил голову набок, спокойно оценивая ситуацию.

— Лучше не бывает, — произнёс он, отбросив в сторону контейнер и склонился, неуверенно поднимаясь с койки, на которую его положил Гарро. Потёки крови и процессорные жидкости пропитали матрац в тех местах, где геносформированное тело воина перешло в режим перегрузки, чтобы сохранить ему жизнь. Хелиг закрыл глаза, и Гарро понял, что он мысленно оценивает полученные травмы.

Ни одному, ни другому не требовалось произносить это вслух. Рискованный замысел Галлора прикончить хелбрута удался, но сам он в процессе едва не погиб.

Его глаза снова открылись.

— Спасибо, — тихо и неохотно произнёс Галлор, и тон его голоса ясно давал понять, насколько он «готов» выслушивать критику своих действий. — Как долго я был в отключке? Что произошло за это время?

— Недолго, — ответил Гарро. — Буквально несколько часов. Думаю, твой разум отказался полностью отдаться исцеляющему трансу. Что же касается врага... — он вытянул руку в пыльном воздухе, и оба легионера прислушались к ровному хору энергетических ударов.

Галлор кивнул самому себе и провёл рукой по голове, скривившись, когда пальцы коснулись тех участков, где внешний эпидермальный слой сгорел до самой оболочки нервов, но мысленно отогнал боль.

— Во время следующей атаки они сумеют прорваться.

— Весьма вероятно, — признал Гарро.

Галлор неуклюже поднялся и зарычал, осматривая повреждения, нанесённые его полуразрушенной броне.

— На мгновение... когда я пробудился... мне показалось, что мой дух отделился от тела, — он покачал головой. — Фантастика. Разум играет со мной злые шутки.

— Что, считаешь подобное невозможным?

— Я не похож на тебя. Я не придаю значения сверхъестественному.

— И всё же ты пришёл ко мне с новостями о Киилер. Пришёл сюда. Чуть не погиб, защищая её и... *сверхъестественные* вещи, которые она собой олицетворяет.

— Точно. Кажется, я именно такой, каким вы назвали меня, капитан. Дурачьё, стало быть. — Прежде, чем Гарро успел ответить на это, раненый воин сделал нетвёрдый шаг по направлению к нему. — Тебе известно, что все они умрут, да? Когда марш Гвардии Смерти достигнет нас, все защитники до последнего будут убиты, невзирая на всё вдохновение от Киилер, на ту мотивацию, что она им предоставила. Её слова окажутся не в состоянии защитить их. Император не может защитить их. Для них существует один-единственный выбор: отступить или же погибнуть, — он выдержал паузу. — Что же касается нас с тобой... Нет никаких сомнений, что Мортарион убедится в нашей смерти, прежде чем навсегда покинуть это место.

Из мрака воспоминаний эйдетической памяти Гарро вырвался голос, эхом прозвучавший в его ушах, голос столь сильный, как будто человек, сказавший эти слова, стоял рядом.

«Он открыл мне глаза». Эристид Келл, ассасин круга Виндикар, поддавшийся скверне и отправленный магистром войны с задачей прикончить Эуфратию Киилер на борту станции «Геспериды», заговорил с Натаниэлем за несколько мгновений до того, как Гарро прикончил его. *«И я видел твою гибель, Гвардеец Смерти. Твоё разорванное сердце кровоточило чернотой».*

В словах Келла звучала убеждённость человека, не ведающего сомнений. Возможно ли, чтобы Гор каким-то образом продемонстрировал ассасину ту прядь из клубка грядущего, в котором злой рок забирает жизнь Гарро? Натаниэль осмотрел изувеченную плоть Галлора, окинул взглядом застывшую чёрную кровь на его теле, там, где биоимплантаты легионера боролись с его практически смертельными травмами.

Вопрос угнетал его. *«Неужели наконец пробил час?»*

— Она не может умереть здесь, — тихонько произнёс Гарро, а затем повторил сказанное с куда большей силой. — Она не может умереть здесь! Я не позволю этому случиться!

— Но если Киилер откажется уйти...

— Скажи, Хелиг, ты достаточно здоров, чтобы биться? — слова Гарро прозвучали с той же свирепостью, как и рёв лазерных пушек, и во время своего вопроса он не отводил взгляда от глаз другого воина.

— Всегда, — отозвался Галлор, ошетинившись от прозвучавшего в словах вызова.

— Как я и предполагал. — Гарро взял болтер своего собеседника и сунул его Хелигу в руки. — Тогда слушай мой приказ: доберись до посадочной башенки на дальней стороне уровня Дилекцио. Там

находится тяжёлый грузовой лихтер, который по идее всё ещё способен летать. Вытряхни из него всё вплоть до переборок и упакуй внутрь всех бойцов Костагар до последнего, а вместе с ними Киилер. Доставишь их во Внутренний Дворец, лети на малой высоте и с максимальной скоростью, за пределами досягаемости орудий титанов. Отведи всех в безопасное место.

— Оглянись, — кисло произнёс Галлор. — Безопасность — понятие относительное, родич.

— Делай что велено!

Галлор поморщился.

— Ладно, предположим, что я согласился. Но ты же знаешь, что произойдёт, когда разведчики Мортариона увидят солдат, покидающих свои посты? Гвардия Смерти явится в полную силу, и явится быстро. Ты не хуже меня знаешь, что Четырнадцатый легион способен идти в ногу со временем, когда его бойцы достаточно мотивированы. Этому лихтеру ни за что не покинуть посадочную площадку.

— Знаю, — признал Гарро. — Вот поэтому-то я и предоставлю им кое-что ещё, чтобы занять их внимание.

Обожжённое лицо молодого воина скривилось в гримасе, когда он понял, куда клонит Гарро.

— Ты не пойдёшь с нами.

— Мы идём туда, где в нас нуждаются.

— То есть ты хочешь, чтобы я... побежал? Пока ты останешься и продашь свою жизнь подороже, словно какой-то дешёвый символ? — Галлора явно оскорбило высказанное предложение. — Да где в этом честь?

— Это не вопрос чести. Это вопрос *необходимости*. — Гарро покачал головой. — Я не сомневаюсь, что ты способен сражаться, невзирая на все свои раны, но сегодня мне нужен человек, которому я могу доверять, а не воин, — он положил руку на плечо Галлора. — Ты можешь не верить в то, что я делаю, но ты веришь в долг. И твой долг заключается в том, чтобы спасти Киилер и остальных выживших.

Галлор сердито пожал плечами.

— Как ты думаешь, чего ты добьёшься? Великий боевой капитан Натаниэль Гарро, длань Сигиллита, герой «Эйзенштейна», в одиночку остановит наступление Гвардии Смерти? Да артиллерия Мортариона разорвёт тебя в клочья в мгновение ока! Это высокомерие... худшая форма гордыни фаталиста!

— Должен признать, во мне есть гордость, — возразил Гарро. — И я не желаю умирать напрасно. Но сегодня есть и необходимость. И мы оба это знаем.

— Ясно, мои слова останутся без внимания, — Галлор отошёл в сторону. — Ты будешь делать всё, что пожелаешь, вне зависимости от приведённых мной аргументов. Таков твой путь, и так было всегда.

— Мне известен мой долг...

— Оправдания! — перебил его Галлор. — Ты захватил «Эйзенштейн» и бежал к Терре, заявив, что всё дело в долге! Те из нас, кто был на борту корабля — я о Семидесяти — даже не получили права голоса! Таким образом мы превратились в осиротевших сыновей, вдали от легиона, который именовали своим домом. И всё из-за выбора, который сделал *ТЫ*, Гарро! — Теперь, когда они завели разговор без обиняков, легионер был не в силах сдерживать давно затаённую обиду. — Из-за тебя нас заключили в тюрьму на Луне. Нам не доверяют кузены из других лояльных легионов, а наши бывшие собратья клеймят

нас предателями. Мы утратили всё, чем были прежде, из-за твоего решения! А теперь ты пытаешься продемонстрировать очередной грандиозный жест, до последствий которого дожить тебе уже будет не суждено!

Гарро стоял молча. Другие верные Гвардейцы Смерти, которые последовали за ним в отчаянную гонку ради предупреждения о предательстве Гора, сделали это потому, что он был их командиром. Но за всё время, прошедшее с момента этого деяния, он ни разу не задавался вопросом: *согласны ли* они с его выбором?

Гарро проявил высокомерие, сочтя, что все они чувствовали то же самое, что и он сам, и теперь бывший боевой капитан понял это.

— Если бы мы не бежали от резни на Исстване, — начал Гарро, — мы были бы мертвы... или обращены. Ты этого желаешь, Хелиг?

Галлор судорожно вздохнул.

— Мы могли бы остановить Мортариона прежде, чем он поддался на вероломство магистра войны и пакты, которые заключил с тех пор. Мы могли бы...

— Заставить его передумать? — Гарро покачал головой. — Нет. Я бы хотел, чтобы всё повернулось иначе, но это — нечто из категории несбыточных мечтаний. Махинации Тифона и этого выблядка Эреба из Несущих Слово не оставили возможности для иных вариантов. Только сейчас, когда я оглядываюсь в прошлое, это становится ясно. Мы потеряли свой легион задолго до Исствана. Гниль уже была в нём, но мы её не замечали, — в словах Гарро звучала тяжесть раскаяния. — Никогда не забывай, что не мы нарушили наши клятвы. *Мы* — единственные несломленные.

— И из-за этого нам нигде нет места. — Гнев Галлора угас, сменившись горечью, а с каменной кладки над ними меж тем посыпался очередной дождь из каменного крошева.

— Ты ошибаешься, — напрягся Гарро. — Моё место здесь и сейчас. А твоё? На данный момент — с Киилер и остальными. Потребуется помощь Странствующего Рыцаря, чтобы провести их через кордоны противовоздушной обороны во внутренние районы Дворца.

— Решил обменять свою жизнь на их? Ты, легионер. Полководец Императора. За горстку простой солдатни и бабы, что произносит красивые слова, — Галлор нахмурился. — Знаешь, я подумал, что если приду сюда вместе с тобой, то смогу лучше понять тебя. И всё же этого так и не случилось.

— В тот самый миг, когда мы начнём ценить этих людей меньше, чем себя, — возразил Гарро, — мы сделаем первый шаг по тропе, протоптанной Гором. Киилер напомнила мне об этом, а теперь я делаю то же самое для тебя, — на мгновение он позволил воцариться тишине, а затем заговорил снова. — Я сожалею об обстоятельствах, вынудивших меня втянуть во всё это тебя и остальных. Сожалею о смертях всех тех, кого называл своими боевыми братьями... Толлена Сендека. Мерица Войена. Солуна Дециуса. И многих других. Но *все мы* погибли бы над Исстваном, если бы не бежали от бойни. По крайней мере, здесь, на Терре, мы с тобой в силах самостоятельно выбирать свою судьбу.

— В осознании этого немного утешения, — заметил Галлор.

— Согласен.

Наконец, Галлор проверил работоспособность своего болт-пистолета, снаряжения и нескольких

оставшихся крак-гранат, сочтя себя полностью готовым. — Меня огорчает, что мне придётся покинуть тебя. Это похоже на предательство.

— То, что ты жив — вот и всё, что имеет значение, — успокоил его Гарро. Он полез в сумку и нашёл внутри буклет со сложенными страницами. — Ах, вот и оно. Я бы хотел, чтобы ты взял это с собой.

Галлор окинул бумаги критическим взглядом и поднял бровь.

— Меня это не интересует.

— Эту вещь завещал мне человек по имени Кaleb Арин, — продолжал Гарро, взвешивая в руке потрёпанный экземпляр «Лектицио Дивинитатус». — Он был моим денщиком. Простая смертная душа, и в то же время один из самых верных и благородных людей, которых я когда-либо знал. Слова на этих страницах... Они направляли его. Даровали ему цель. Теперь эта книга твоя.

— Меня это не интересует, — повторил Галлор, но Натаниэль просто покачал головой.

— Я не прошу тебя верить, — твёрдо сказал он. — Просто прочесть. Тогда, возможно, ты обретёшь понимание, которое пока что ускользает от тебя.

На какое-то мгновение Гарро подумал, что собеседник повернётся к нему спиной, и воцарившаяся между ними тишина наполнилась воем ещё одного лазерного залпа.

Наконец, Галлор протянул руку и выхватил у Гарро буклет.

— Я подумаю, — пророкотал он.

— Ты принял решение? — раздался новый голос из дверного проёма на противоположной стороне комнаты, и оба легионера обернулись. В дверях стояла наблюдавшая за ними фигура; Гарро был абсолютно уверен, что минуту назад Эуфратии Киилер здесь попросту не было, что его усиленные чувства распознали бы её приближение. Однако этого не случилось.

— Как долго ты подслушиваешь? — полюбопытствовал Галлор.

— Достаточно долго, чтобы понять, что вы задумали, — она посмотрела на Гарро. — Нам не нужно уходить, Натаниэль.

— Ты знаешь, что это не так, — возразил он.

— Император защищает, — напомнила женщина. — Он делал это раньше, и Он сделает это снова.

— Ты права. — Гарро выпрямился во весь рост. — Император защищает. Через *меня*. — Он указал в сторону Галлора. — Через *нас*. Вот почему мы здесь.

Женщина моргнула, и на её лице отразилась тень сомнения.

— Ты веришь в то, что Он послал тебя, не так ли?

Когда Гарро заговорил вновь, его голос стал мягче.

— Эуфратия... наивность для тебя не характерна. Ты не можешь верить в то, что способна пережить наступление Гвардии Смерти.

— Она не хочет уходить. — Галлор вперился в Киилер суровым испытующим взглядом. — Ты видишь это,

Гарро? Оставаться здесь, на пути сражений, навстречу неизбежному уничтожению. Это избавит её от бремени выбора, который она обязана сделать. Освободи её от этого, — затем он обратился прямо к ней. — Но таков путь слабого духом, а ты не слаба. Боевой капитан нипочём не стал бы уважать кого-то недостойного.

Одинокая слеза прокатилась по изгибу щеки Киилер, прежде чем упасть на каменные плиты у её ног.

— Я... я больше не в силах нести это бремя. Я теряюсь, падаю, утрачиваю контроль. Можете ли вы понять, каково это — быть тем, к кому обращаются за наставлением, но при этом не иметь его для самой себя? Да, думаю, вы понимаете, — она прижала сжатый кулак к груди. — Я опустошена внутри. Каждый день я отдаю всё, что есть во мне... но источник иссякает. Я боюсь, что в скором времени вместо голоса стану эхом.

Гарро подошёл к Эуфратии и снова взял её руку в свою.

— Ни у кого из нас не было выбора на пути, проложенном самой судьбой. Но мы не вправе позволить себе колебаться. Мы должны идти вперёд, ибо альтернатива — это разруха и разрушение. Ты научила меня этому, Эуфратия, — он почувствовал прилив уверенности в груди, обновление своей решимости — холодной, чистой и сильной, как воды горного ручья. — Я усвоил урок, который ты преподала мне, когда я впервые пришёл искать тебя. Помнишь, что ты мне сказала в тот день?

— *Перед тобой стоит цель*, — кивнула она. — У Императора есть долг, который можешь выполнить только ты.

— И я, наконец, осознал, что это за цель, — кивнул Гарро в ответ. — Возможно, я смогу вдохновить людей так же, как и ты — по-своему, не словами, но вот этим, — он возложил руку на рукоять меча. — Теперь я вижу свой путь ясно. Прими мою благодарность, от всего сердца.

Киилер отвела взгляд.

— Мне бы твою уверенность, Натаниэль.

— Она у тебя есть, — отозвался он. — Тебе просто стоит открыть её заново. Хелиг позаботится о том, чтобы у тебя было достаточно времени для этого.

Гарро повернулся к своему товарищу и протянул руку. Галлор принял её, и собратья сжали наручи друг друга в традиционном приветствии воинов, лязгнув керамитом о керамит.

— Я не стану желать тебе удачи, — сказал младший воин. — Подобные слова были бы... неуважительными. Скажу только одно: если тебе предстоит пройти путь мученика, то бейся доблестно, боевой капитан.

— Мы легионеры, — ответил Гарро. — Это то, ради чего нас создавали.

Он уже начал было удаляться, но тут Киилер снова протянула руку и вцепилась в него.

— Я не хочу этого, — всхлипнула она, едва сдерживая рыдания. — Не хочу, чтобы ты уходил.

— Я тоже, — признался он, чувствуя, как в его груди разворачивается странный трепет незнакомых эмоций. — Но я должен сделать это.

Что-то заставило его развернуться на месте, и Гарро обнаружил, что Хелиг Галлор смотрит на него, и на

покрытом шрамами лице воина отразилось новое выражение мрачной озабоченности.

— Ты слышишь? — Галлор поднял руку, словно пытаясь поймать звук в пыльном воздухе.

Гарро напряг слух, на какое-то мгновение призадумавшись, о чём это толкует второй воин. Но затем его кровь заледенела в жилах, когда реальность стала очевидной.

Ничего не было слышно. Орудия Гвардии Смерти молчали.

С палубы своей командной барки Мортарион мог ощущать треск раскалывающейся каменной кладки бастиона Мармакс на поверхности Терры. Сконцентрированные залпы лазерного огня раскалили исполинские гранитные плиты до невероятной температуры, в результате чего камень в некоторых местах превратился в шлак и расплавился; словно вязкая слюна, он потёк вниз по наклонным склонам, ослабляя конструкцию верхних уровней. Теперь, когда Мортарион остановил бомбардировку, вернулся постоянный холод стоковых ветров, и под их воздействием охлаждающаяся каменная кладка начала трескаться и раскалываться.

Мармакс умирал неспешно и постепенно, и в конечном итоге разрушился сам по себе, словно гигантский зуб, прогнивший изнутри. *«Ещё одно свидетельство высокомерия моего Отца, ещё одно Его творение, рассыпавшееся пред властью неопровержимой истины. Распаду подвластно всё на свете».*

«Пусть умрёт», — послышался шёпот, и Мортарион кивнул самому себе.

«Всё должно умереть, чтобы возродиться заново». Дедушка открыл ему эту фундаментальную истину, когда его легион застрял в безумии варпа, и Повелитель Смерти хорошо усвоил урок.

Под носом парящей барки пропитанные отравой легионеры Мортариона ожидали предварительных приказов, и единственным звуком, перекрывавшим гул антигравитационных двигателей, был хриплый, булькающий хор их дыхания. Примарх окинул взглядом ряды неуклюжих фигур в покрытых ржавчиной, обесцвеченных доспехах, многие из которых были залиты блестящим ихором. Других отмечало благословение трансформированной плоти, что сочилась из трещин их боевого облачения. Даже вездесущие тучи чёрных мух, что кружились в плясе вокруг массы Гвардейцев Смерти, казалось, приглушили жужжание роя и вместо этого ползали по обнажённой коже легионеров и грязному металлу их брони.

Легион ожидал его распоряжений. Мортарион воздел бледную костлявую руку, готовясь дать сигнал к заключительной фазе атаки — наступлению, которое не оставит внутри останков Мармакса ничего живого — и застыл.

Что-то зашевелилось на флангах разрушенной цитадели. Фигура в серовато-бурых доспехах и боевом плаще прыгала с одной разрушенной зубчатой стены на другую, спускаясь к разбитой земле с решимостью падающей кометы.

Словно ведомые собственной волей, кассетные пушки по бокам баржи дёрнулись и пришли в движение, отслеживая каждый шаг фигуры, в то время как вооружённые длинноствольными болтерами легионеры из числа Могильной Стражи Тифона взяли на себя задачу прицелиться.

— **Не стрелять!** — громким голосом прорычал примарх. Его поднятая рука сжалась в кулак, а в тени

капюшона появилась исполненная любопытства кривая улыбка, незаметная для посторонних.

— **Почему?** — Мортарион обернулся и увидел, что его первый капитан наблюдает за ним издалека. Погрузившись в свои думы, примарх позволил себе не обращать внимания на присутствие Тифа. — **Один-единственный воин? Да я обращаю его в пепел прежде, чем его сапоги вообще коснутся земли. К чему медлить, милорд? Или мне стоит задать этот вопрос ещё раз?**

— **Потому что такова моя воля,** — пробурчал он. По правде говоря, Мортарион уже знал, кто осмелился показать им своё лицо.

Ветры донесли до боевой барки крик неповиновения, прогремевший над головами многотысячных сил Гвардии Смерти, и в крике этом звучало имя примарха — не в качестве оклика или приветствия, но как обвинение, как *вызов*.

— **Мортарион!** — взревел воин в сером над умолкнувшим полем брани. — **Во имя Терры и по воле Императора Человечества я объявляю тебя предателем!**

«Предатель». Последнее высказанное слово эхом разнеслось по окрестным развалинам, отразившись от сломанных стен и растворившись в дымке тумана войны. Улыбка Мортариона стала натянутой, превратившись в гримасу. Стремительная, словно каменная лавина, ярость охватила его от этой клеветы, возмущение заставило конечности напрячься.

— **Предавать было нечего,** — прошипел он, отвечая на шёпот в своём разуме прежде, чем он успел начаться заново. Примарх подошёл к краю смотровой галереи и схватил проржавевшие перила достаточно крепко, чтобы смять металл. Он знал, что воины на нижних ярусах смотрят на него снизу вверх, с нетерпением ожидая следующего приказа, способного вступить в конфликт с его бездействием.

Крик прозвучал вновь.

— **Ты осквернил себя! Уничтожил то, что поклялся защищать! Если хоть крупица того, кем ты был когда-то, ещё живёт в тебе, то покажи её сейчас! Встреться со мной, генетический повелитель... Если смелости хватит!**

— **Гарро.** — Тиф выплюнул это имя, словно проклятье. — **Стало быть, время не уменьшило его высокомерия, а только взрастило его,** — массивный нарост на спине Странника вздрогнул. Чумные рои, гнездившиеся в Разрушительном Улье, разделявшие с легионером его трансформированное тело в качестве дома, ощутили потребность воина в убийстве и захотели исполнить его желание. — **Предоставьте мне право действовать, милорд. Только скажите слово. Скажите.**

На какой-то миг Мортарион обдумал такую возможность. Ему достаточно было кивнуть, и Тиф прикончил бы Странствующего Рыцаря руками своих Могильных Стражей. И они не станут убивать Гарро первым залпом, *о нет*. Скорее всего, терминаторы искалечат его, пробьют броню и лишат возможности сражаться. Только тогда начнётся его смерть — в форме долгого и мучительного процесса, способного продлиться вплоть до самого падения Трона и Терры, а то и дольше.

Заманчивая перспектива. Но всё же, как и за всё, что Тиф предлагал своему сюзерену, за это пришлось бы платить.

Если Мортарион дарует право на убийство первому капитану, то священная сила смерти Гарро будет принадлежать Тифу Страннику, а не Жнецу Людей.

Мортариону открылось знание о том, что в его новом, изменившемся состоянии бытия дары Дедушки Нургла требовали жертв. Его собственное тело, равно как и тела его воинов, были преобразованы, в буквальном смысле слова переделаны в бессмертный идеал, ставший тёмной душой его легиона, но за сделку приходилось расплачиваться снова и снова, а единственной ценной монетой оставалась *смерть*.

Смерть героя, *верующего*... она бы дорогого стоила. Не только как жертвоприношение Нурглу и его садам разложения, но и как дар порченным душам воинов Мортариона. Изменившийся путь всё ещё оставался свежим для них, и если многие с готовностью приняли своё новое состояние, другие всё ещё колебались. С этим убийством, совершённым лезвием его косы, поистине праведным убийством, примарх вновь подтвердит всю полноту своего господства над легионом.

— **Нет**, — отрезал он, глядя на Тифуса. — **Отказано. Жизнь Гарро принадлежит мне. Однажды он заложил её на моё имя, и я должен закончить его историю так, как сочту нужным.**

Невзирая на переполнявшую его злобу, Тиф презрительно фыркнул.

— **Мои Стражи прикончат этого тщеславного дурня! Клятвопреступник не стоит того, чтобы пачкать о него ваше оружие...**

— **Что, желаешь, чтобы я отвернулся от вызова моему имени?!** — скрипучий голос Мортариона прозвучал с твёрдостью камня.

— **Я сомневаюсь в целесообразности этого шага.** — Тиф смягчил свой тон, но не отступал. — **Один-единственный легионер призывает вас к конфликту? Вы воздаёте Гарро больше чести, чем он заслуживает!** — Затем он сделал паузу, судорожно вздохнув. — **Или я не понимаю ваших истинных намерений, милорд?** — Тиф кивнул самому себе. — **Вот оно что. Так и есть, не правда ли? Гарро всегда был занозой у тебя в глазу. Он — Гвардеец Смерти, которого тебе не удалось подчинить своей воле, когда настал подходящий момент. Он твоя ошибка... твоя неудача.**

Вопреки своему имени, великая боевая коса Мортариона, Безмолвие, с резким шипением рассекла зловонный воздух, когда примарх выхватил её из-за спины. Порченный солнечный свет отразился от ржавой дуги её рабочей части, и прежде, чем Тиф успел достать своё собственное оружие, лезвие прижалось к его шее.

— **Следи за своим языком, когда говоришь со мной, братишка,** — произнёс Повелитель Смерти. — **В прежние времена я был снисходителен к тебе. Позволял себе оставаться слепым к твоим амбициям. Так вот, эти дни закончились. Помни своё место, первый капитан.**

— **Я не хотел проявить неуважение,** — пояснил Тиф, не желая делать лишних телодвижений с клинком у горла. — **Я всегда был честен с тобой, даже если тебе не нравится то, что я говорю.** — Наконец, он нашёл в себе силы отступить на шаг назад, чтобы дистанцироваться от смертоносной дуги отцовского оружия. — **Теперь я говорю правду. Отвечать на вызов Гарро — потворство тщеславию. Это ниже твоего достоинства.**

— **Возможно,** — согласился Мортарион. — **Но решение принимать мне.** — Он вернул Безмолвие на место. — **Вот мой приказ. Пусть легион отступит... И предоставьте мне место для боя.**

С каждым сделанным шагом Гарро ожидал выстрела, который прикончит его.

Он задавался вопросом, услышит ли его за миг до своей смерти, и каким будет этот звук — субзвуковой гул ударной волны приближающегося болтерного снаряда, визг разрываемого лазерным лучом воздуха... Или же смерть не станет давать подсказок тому, за кем она явилась?

Пока что вопросы оставались без ответов. Ни один воин в нечистой армии напротив не поднял оружия в гнев своём, но он ощущал их бурлящую ненависть по отношению к своей персоне.

Когда Гарро преодолел последний отрывок пути до взбаламученной земли у подножия Мармакса, из орды ожидающих легионеров вырвалось гудящее облако. Бесчисленные стаи маслянисто-чёрных насекомых поднялись с тех мест, где они отдыхали, молотя ледяной воздух миллионами холодных крыльев.

Рой корчился над землёй, образуя что-то вроде огромного чёрного савана — и с флегматичным, театральным величием этот занавес раздвинулся, а вместе с ним и ряды осквернённых легионеров. Жнец Людей явился, чтобы ответить на его, Натаниэля Гарро, непокорство.

Бывший боевой капитан глубоко вздохнул и твёрдо встал посреди грязи, опалённого камня и обломков скал. Затем медленно снял и отбросил в сторону свой шлем; с практической точки зрения этот жест мог показаться глупостью, но казалось неправильным — даже *бесчестным* — делать то, что должно, скрывая лицо за бронированной пластиной.

Болтер Гарро был пристёгнут на магнитную застёжку его брони, а меч — готов обнажиться. Он позволил одной руке опуститься на рукоять древнего клинка, проведя пальцами по шпилькам, которые должны были активировать силовое поле. Эти небольшие, инстинктивные предбоевые ритуалы давали ему возможность сосредоточиться; они позволяли Натаниэлю хотя бы ненадолго забыть о природе врага, направлявшегося к нему прямо сейчас.

Но только на мгновение.

То, что вышло из рядов Гвардии Смерти, едва ли напоминало примарха, которого когда-то знал Гарро; то была тварь, копировавшая его облик в извращённой форме. Те же впечатляющий рост и худощавое телосложение, тот же знакомый плащ с капюшоном, накинутый поверх силовой брони — но тяжёлая, тёмная ткань превратилась в разлагающееся, прогорклое тряпье, а некогда великолепные доспехи работы лучших ремесленников, сиявшие голой сталью и латуной, теперь скрипели, гнили и покрывались ржавчиной.

Но хуже всего была фигура, которая их носила. Когда-то Гарро преклонил колени перед болезненным, суровым наставником, во взгляде которого ясно читалось — он познал ярость и скорбь, но в то же время не был чужд чести. То, что Натаниэль видел перед собой теперь — чахоточное, разложившееся чудовище, окутанное ядовитой пылью — являло собой истинное воплощение Смерти.

Испуганный, пристыженный и безмерно опечаленный Гарро впервые после великого предательства на Исстване встретил взгляд своего сюзерена и генетического отца. И задал единственный вопрос, который только мог.

— В кого ты превратился?

— *Я тот, кем мы стремились стать всегда*, — провозгласил Мортарион, сверкая глазами во тьме капюшона. — *Бессмертный. Неудержимый. Не знающий себе равных.*

Сердца Гарро накрыла пелена ужаса, и его рука сжалась на рукояти меча.

— Чего вам это стоило, милорд?

Вопрос, казалось, удивил примарха, и он помедлил, прежде чем ответить.

— **Цена... Ценой было всё.** — Сквозь дыхательную маску Мортарион глубоко вдохнул кружащиеся поблизости токсины, словно поддерживая себя ими. — **Гарро,** — прохрипел он, — **ты был одним из лучших моих людей. Я не забыл этого. Ты можешь стать им снова. Можешь воссоединиться со своими боевыми братьями. Ещё не поздно.**

Из всех слов, которые Мортарион, по мнению Гарро, мог произнести, бывший боевой капитан меньше всего ожидал услышать подобное. После всего, что произошло со времён начала Ереси Гора, Гарро всегда ступал тропой чужака, изгоя. Отверженного.

— **Он победит,** — произнёс примарх, словно выдёргивая мысли о магистре войны из разума Гарро. — **Это неизбежно. В скором времени сыновья прикончат своего Отца, как и положено. И нас поманит новый мир.** — Мортарион сунул руку себе под плащ, и когда его скелетообразная кисть показалась вновь, в ней лежали две ржавые металлические чаши. Внутри мерцала маслянистая жижа, чёрная, как ночь.

Примарх предложил один из кубков Гарро; поддавшись импульсу, сопротивляться которому не было сил, воин принял его.

Гарро заглянул в глубины кубка и почувствовал, как вокруг него разворачивается нечто могучее, словно сам воздух проходит процесс трансформации. Безграничная скорбь, тоска, которую воин похоронил глубоко внутри, пробудились вновь.

Нарушение обетов своему легиону оставило его лишённым того, что он едва мог сформулировать. Натаниэль подумал о гневе и горечи Галлора, о безответной печали молодого воина о том, что они потеряли.

Какая-то неотъемлемая часть Гарро желала, чтобы время можно было повернуть вспять, чтобы то, что когда-то раскололось, можно было воссоздать заново. *«И, возможно, в какой-то степени подобное могло случиться».*

— **Ну что ж, быть может, ты окажешь мне честь и выпьешь со мной?** — предложил Мортарион.

ИНТЕРВАЛ II

Планета Барбарус: после воссоединения

Орбитальные челноки приземлились за городом, который местные прозвали Убежищем — посреди расчищенных лугов, деловито превращаемых трудящимися илотами в первый на планете космопорт. Шёл мокрый поток шипящего чёрного дождя, пробирая всех и каждого до самых костей.

Натаниэль спустился по рампе своего транспортника последним, пропустив вперёд остальных — горстку воинов среди массы смертных ауксилариев, покинувших основные флотские силы на высокой орбите. Он заметил и другие фигуры, выгружавшиеся из остальных судов — более рослых легионеров, так же, как и

он сам, облачённых в недавно выкованные доспехи со свежей символикой.

Когда больше года назад большинство из них покинуло поверхность этого мира, они уходили людьми. Теперь же они вернулись как транслюди, перекованные величием науки Императора Человечества и Его учёных. Гарро слышал, как смеялись бойцы, как они окликали знакомых и близких из толпы, что ожидала их — блудных сыновей, вернувшихся обратно в породивший их мир смерти.

Не все местные жители, покинувшие Барбарус для возвышения, пережили этот процесс. Многие погибли, проходя через горнило изменений, когда их тела отвергли имплантаты со смертельным исходом. В обычных случаях легионеры-неофиты проходили через режим имплантации органов и ментального кондиционирования в течение цикла, растянутого на несколько лет, вдобавок в гораздо более юном возрасте — такова была доля Гарро, рекрутированного жилистым юношей тринадцати зим от роду в отдалённых альбийских землях Терры. Свежий набор действовал иначе — все легионеры с Барбаруса прошли через ускоренный процесс, превративший этих людей в Легионес Астартес с необычайной быстротой.

Некоторые шептались, что только личное вмешательство Императора в программу набора спасло барбаранцев от верной смерти, однако Гарро считал иначе. Проведя целый год в обществе уроженцев Барбаруса, он твёрдо убедился, что сыновья этого проклятого мира слишком упрямы, чтобы легко расстаться с жизнью.

Процесс *интеграции* шёл полным ходом. Воссоединившись со своим потерянным сыном, Мортарионом, Император преподнёс в дар найденному отпрыску боевой флот и завещанных ему воинов — XIV легион, известный с момента своего основания как Сумеречные Рейдеры. Первым действием Мортариона во главе собственной армии стало отбрасывание бывшего её имени в сторону и принятие нового — Гвардии Смерти, в котором звучало эхо свершений бойцов, коими он командовал в своём восстании против безжалостных правителей Барбаруса, именуемых Властителями.

Гарро больше не обращал внимания на новые знаки отличия, украшавшие его броню — белый череп, вписанный в окрашенную тёмно-зелёным шестиконечную звезду. Подобно множеству иных вещей, это было ещё одно изменение, которое следовало принять и ассимилировать, прежде чем легион вернётся к своему истинному призванию — ведению Великого крестового похода во имя Императора.

Сделав свой первый шаг на поверхности планеты, Гарро оглядел унылый ландшафт серых холмов, пробежался глазами по гранитным скалам и далёким горным хребтам в сторону мрачного неба. Во влажном бризе он ощущал следы слабого токсина, что в изобилии присутствовал в гуще ядовитого тумана, окутывающего верхние слои атмосферы Барбаруса, а под ногами легионера хрустели жёсткие травинки, словно сделанные из металла. Планета была суровой и неприветливой, и Гарро ни на секунду не сомневался, что она скрывает тысячи способов убить неосторожных. Такова была истина в отношении мира смерти: там не могло существовать ничего слабого.

Натаниэль обогнул посадочную площадку, избегая толпы. Люди собрались вокруг своих изменившихся собратьев, многие из них открыто восхищались их новыми телами, некоторые даже осмеливались протянуть к ним руку и коснуться лиц или же поверхности серо-зелёных доспехов. Гарро игнорировал взгляды зевак, вместо этого внимательно изучая подходы к Убежищу. Неподалёку он заметил свежие следы начала строительства и других преобразований — блочные конструкции и машины, перевезённые с флота в надежде ускорить развитие Барбаруса и привести его к соответствию со стандартами Имперума. В каком-то смысле сама планета проходила обряд возвышения — более того, Гарро услышал, что отбор свежих кадров неофитов из числа жителей Барбаруса уже идёт полным ходом.

Подобно тому, как Четырнадцатый легион когда-то забирал свою десятину молодёжью с Терры, теперь он сделает то же самое здесь. И, быть может, в какой-то момент грядущего наступит время, когда в рядах Гвардии Смерти больше не останется Сумеречных Рейдеров.

Гарро отбросил в сторону подобные мысли и вдруг заметил, что оказался у подножия исполинской чёрной стены близ городских ворот. Грубо обтёсанные каменные плиты сплошь покрывали вырезанные в камне имена, написанные местным шрифтом низкого готика. Гарро протянул ладонь и провёл кончиками закованных в металл латных перчаток пальцев по буквам, склонив голову в торжественном почтении. Он понял, что созерцает мемориал погибшим.

— Какого ты вообще кланяешься им?

Услышав голос, Гарро поднял глаза. Неподалёку от него стояла женщина в военной униформе, скрестив руки на груди и сверля легионера суровым взглядом. Бессознательная манера отдавать предпочтение одной ноге при ходьбе свидетельствовала о том, что в своё время она получила серьёзную рану — однако, судя по её манере поведения, это ни в коей мере не помешало бы ей сражаться.

— Они стали пеплом, и нашей земле от этого только лучше.

Гарро отдёргнул руку.

— Так это вовсе *не имена* ваших погибших воинов?

— Это имена Властителей и их пособников, которых мы перебили ради освобождения Барбаруса, — поправила она. — Надписи на камне гласят, что любое существо, которое попытается править нашим миром, познает, во что ему это обойдётся.

— Ага, значит, предупреждение, теперь понял. Прости мне мою ошибку, — тряхнул головой Гарро. — Так скажи мне, каким образом вы чтите тех, кто погиб, сражаясь с этими Властителями?

Женщина нахмурилась.

— Мы держим их здесь. — Она коснулась своего сердца и головы, а затем подошла на шаг ближе. — Ты один из воинов Нашельца?

— Нашельца? — Такого имени Гарро не знал.

— Вашего Императора.

— Он и *твой* Император, — заметил воин. — Он отец Мортариона.

— Слышала я. — Собеседница Гарро нахмурилась, осматривая воина с головы до ног. — Итераторы, которых Он сюда прислал, говорят, будто бы твоя порода переделана по Его образу и подобию, так? Ты изменился, точно так же, как Он изменил наших отцов, братьев да кузенов.

— Именно так.

— Но почему одни только мужики? — Она выровнялась и посмотрела Гарро в глаза. — Это ж пустая трата хороших ресурсов. — Она кивнула в сторону стены. — Женщины проливали свою кровь наравне с мужчинами, чтобы вырезать вражьи имена на этой стене.

— Мы зададим этот вопрос Императору, когда встретим его в следующий раз, — вмешался ещё один голос. Гарро повернулся и заметил направляющегося в их сторону волкоподобного товарища

Мортариона. Тифон кивнул ему со сдержанной улыбкой.

— Калас, ты ли это? — Женщина недоверчиво оглядывала пришедшего легионера. — Что случилось с человеком, которого я знала со времён Геллеровой Раны?

— Этот худосочный парниша где-то здесь. — Выражение лица Тифона стало жёстким, словно он не желал слушать напоминания о своём прошлом. — Разве у тебя нет должностных обязанностей, солдат? Полагаю, есть. Нам с лейтенантом Гарро нужно кое о чём потолковать.

— Что, в самом деле? — произнёс Гарро, наблюдая за удаляющейся женщиной.

— Я наблюдал за тобой. — Стальной взгляд Тифона пронзил его, и Гарро счёл тревожной возникшую напряжённость. — Большинство терранских бойцов восприняли воссоединение с удовольствием, приветствуя своих новых братьев, устраивая военные игры вместе с Мортарионом и всеми остальными... Вдобавок каждый из нас узнавал обычаи и привычки друг друга. — Тифон направил в сторону Гарро указующий перст. — Но только не ты, Гарро. Ты не мог поступить так, как сделали другие, не мог начать знакомство с нашими путями вдали от нашей родины. Мне кажется, что-то внутри тебя нуждалось в том, чтобы самому увидеть мир, где возмужал твой примарх. Почувствовать в своих лёгких воздух, которым дышал он, ощутить грязь под ботинками, — Калас развёл руки в стороны, словно охватывая окружающий пейзаж. — Я прав?

— Твоя пронизательность делает тебе честь, — сказал Гарро. — Да. Я хотел познать Барбарус самостоятельно. Пройти тропю примарха, пускай и ненадолго.

— И что же, теперь, когда ты здесь, что ты об этом думаешь?

Гарро посмотрел на стену смерти, размышляя о том, что она собой представляет, а затем перевёл взгляд в сторону отдалённых неприступных утёсов.

— Я начинаю понимать.

— Легион переживает фундаментальные перемены, — продолжил Тифон. — Сумеречные Рейдеры, которых ты знал, исчезли. Вместо них поднимается Гвардия Смерти.

— Такова воля Императора и Мортариона.

На какое-то время Тифон умолк.

— Примарх находится в процессе реорганизации легиона во что-то... более подходящее его стилю командования. Твоя рота, Гарро, Седьмая. И в настоящее время в ней нет капитана, который мог бы её возглавить.

— Верно. — Гарро напрягся, внезапно утратив понимание того, к чему ведёт этот разговор.

— Не хотели бы прославиться на должности её командира, лейтенант?

Гарро тщательно обдумал свои следующие слова.

— Я бы приветствовал такую возможность. Но вот что насчёт славы... Меня она не интересует.

Тифон расхохотался, как будто только что одержал победу.

— Кажется, всё, что я слышал о тебе — правда, Гарро! *Добро*. В грядущих войнах Мортариону

понадобится человек, на которого он сможет положиться в качестве лидера Седьмой.

— Мой клинок принадлежит примарху, как и мои клятвы верности, — ответил Гарро. — И так будет всегда. — Но он не сумел удержать ни крупницы сомнения в своём голосе, и Тифон заметил это.

— У тебя есть опасения, — произнёс собеседник Гарро. — Ты спрашиваешь у самого себя, как же ты можешь надеяться стать частью легиона, завещанного миру и господину, которого никогда прежде не знал?

Холодок побежал в крови Гарро. Тифон произнёс эти слова так, словно лично вытащил их из самых сокровенных глубин мыслей воина.

Калас пошёл ещё дальше.

— Ты чувствуешь... что ты не один из нас?

В конце концов Гарро обнаружил решение, которое прежде ускользало от него, и покачал головой.

— Нет. Возможно, у меня и случались оговорки прежде, но только не сейчас. Ты... — Он указал на Тифона, а вместе с ним, соответственно, и на весь Барбарус целиком. — Ты — один из нас. Пускай ты и твои родичи родились здесь, сыновья этой планеты останутся детьми Терры, даже если нас разделят тысячелетия. Вы ведёте происхождение от тех людей, кто отправился покорять космос до пришествия Древней Ночи. Мы все родом из одного и того же места. Мы все — люди, чья родословная ведёт начало из одного источника.

— В самом деле? — Тифон положил руку на плечо Гарро, и на его лице вновь расцвела улыбка. — Ну что ж, *капитан*. Быть может, однажды я встречу тебя там. Я пройду твоею тропой, и в конце своего странствия сам всё увижу.

1. Гиппокамп — участок головного мозга человека, отвечающий за память (пространственную, а также кратковременную и её перехода в долговременную), помогает удерживать внимание, также принимает участие в формировании эмоциональных реакций.
2. Своеобразная отсылка к прославленной романом Томаса Харриса и его экранизацией картине художника Уильяма Блейка (1757-1827) «Великий Красный Дракон и женщина, облачённая в солнце». Сюжет картины отсылает к событиям Апокалипсиса из Книги Откровений; в данном случае нетрудно провести параллель между готовой стать матерью женщиной, которая молит небеса о спасении своего ребёнка и Эуфратией, ставшей духовной «матерью» для своих подопечных-солдат (не говоря уже о её роли в распространении Веры в Императора), в то время как в образе могучего и зловещего Дракона, угрожающе нависающего над своей беспомощной на первый взгляд жертвой, угадывается вознесённый примарх Мортарион, чья коса уже нависла над бастионом Мармакс.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Гарро:_Рыцарь_в_сером_/Garro:_Knight_of_Grey_\(новелла\)&oldid=22465](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Гарро:_Рыцарь_в_сером_/Garro:_Knight_of_Grey_(новелла)&oldid=22465)

Эта страница в последний раз была отредактирована 23 марта 2023 в 21:37.